

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

КОВАРНЫЙ ДУЭТ

18+

Владимир Александрович Жуков

Коварный дуэт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33388513

SelfPub; 2018

Аннотация

Остросюжетная повесть по мотивам реальной истории. Стоматолог, мечтая о частной поликлинике «Жемчужина», решил скопить валюту за счет оказания услуг одиноким состоятельным дамам преклонного возраста. В качестве бизнес-партнера выбрал ранее судимого уголовника.

Содержание

I. Золотая коронка	4
2. Заветная мечта	35
3. Первая жертва	59
4. Светский раут	72
5. Розалия без шипов	93
6. Очередная мадам	122
7. На ловца и зверь	129
Конец ознакомительного фрагмента.	136

I. Золотая коронка

– О-о, добро пожаловать, Элеонора Борисовна! – при появлении в дверях зубопротезного кабинета опрятно одетой с обильной косметикой на лице дамы, радушно воскликнул, поднявшись из-за стола, врач-стоматолог Дубняк.

– Добрый день, Семен Романович, – приветствовала она его улыбкой на губах с малиновой помадой и направилась к креслу. – Я полагал, что вы уже позабыли дорогу в нашу поликлинику. Может я нечаянно обидел вас, и теперь пользуетесь услугами другого врача? – вкрадчиво произнес Дубняк. – Уже, почитай, два месяца, как вас не было на приеме? Как поживают ваши драгоценные зубки?

– Что вы такое говорите? – улыбнулась Лозинка. – Вы очень тактичный и душевный человек, прекрасный доктор, у вас отличная репутация. Я к вам, извините за откровенность, сердцем прикипела и ни на кого не променяю. Вы в меня вселяете оптимизм, продлеваете годы жизни. Я уж седьмой десяток разменяла, но память на добрые дела у меня еще крепкая, склерозом не страдаю.

– Спасибо вам на добром слове, я не заслужил такой похвалы, но мне приятно, особенно от вас, ее услышать, – скромно ответил стоматолог. – Благодарность пациентов для меня самая высокая награда, внушает мысль, что не даром ем

своей хлеб. Рад и дальше служить и облегчать страдания людей, особенно преклонного возраста. У нас ведь в державе кто больше всех обижен? Старики и дети. Сейчас они превратились в нищих, бомжей беспризорников.

– Да-да, бедствуют страдальцы, – согласилась женщина. Он принял из ее рук, унизанных золотыми перстнями и кольцами, черный ридикюль и положил его на край стола с белой поверхностью.

– Очень приятно слышать, что вы сочувствуете старикам и детям, – продолжила она тему. – Иные врачи, даже не хочется их называть врачами, относятся к ветеранам, испытавшим столько трудностей, отстоявших Родину, как к лишним людям, которые мол, коптят небо, путаются в ногах у молодежи, мешают жить на широкую ногу.

– Элеонора Борисовна, не все такие равнодушные. Для меня пациент дороже золота. Я всегда убеждаю, что в целях профилактики, следует хотя бы два-три раза в год посещать стоматолога.

– С удовольствием бы, но недавно я прочитала о таком диком случае. Измученный невыносимой болью мужчина наведлся к молодому стоматологу и тот решил удалить коренной зуб. Применил анестезию, но корень зуба оказался довольно глубоким, поэтому несколько попыток выдернуть не увенчались успехом. Тогда эскулап взял долото, долбанул, в результате удара сломал пациенту нижнюю челюсть. Дело закончилось скандалом и судом. Экзекутора уволили, а суд обязал

заплатить пострадавшему компенсацию за материальный и моральный ущерб. Не хочу, чтобы подобное произошло со мной.

– У вас нет повода для беспокойства. Я работаю профессионально, точно и аккуратно, не использую грубых ударных инструментов, – заверил Дубняк. – Лишь на первый взгляд, действия стоматолога кажутся легкими, а на самом деле, это ювелирное искусство. Поэтому избегайте встреч с дилетантами, тем более что у вас есть личный стоматолог.

– Спасибо, Семен Романович, вы меня и обрадовали, и утешили, – воодушевилась пациентка. – Я своих подруг и соседей по дому буду направлять исключительно к вам. Сейчас из-за плохого качества питьевой воды, неблагоприятной экологии и увлечения сладостями у многих зубы ни к черту не годятся и поэтому безработица вам не грозит.

– Вы правильно обозначили причины, но конкурентов предостаточно, повсюду открываются элитные поликлиники, зубопротезные центры и кабинеты. Я вам буду премного благодарен за рекламу. Но имейте в виду, я с наибольшим желанием и пиететом оказываю помощь престарелым и одиноким женщинам, нуждающимся в заботе, сочувствии и милосердии.

– Семен Романович, ваш гуманизм мне импонирует.

– Рад стараться, любезная Элеонора Борисовна, – галантно склонил он голову. – Как я вас хорошо понимаю. Есть и среди моих коллег отпетые мошенники и дилетанты, им бы

только больше содрать с больных денег, а там и трава не расти. По сговору с владельцами аптек, чтобы у тех был товарооборот, столько выпишут рецептов, в основном на дорогое импортное лекарство, что у стариков голова кругом идет, давление повышается, новые болезни возникают.

Сейчас на первом плане не человек, его здоровье, а бизнес. Любой ценой коммерсанты, в том числе и от медицины, стараются сколотить капитал. Обходите таких аферистов десятой дорогой. Не обращайтесь к этим эскулапам, Элеонора Борисовна. Обязательно обманут и ничем не помогут, ограбят среди бела дня. На сей счет, есть множество хитростей, приманок вроде низких цен, которые потом к окончанию протезирования возрастут в несколько раз.

– Благодарю вас, Семен Романович, за полезный совет, – отозвалась Лозинка. – Да только у них на лбах не написано, что за люди, какая у них душа, добрая или злая. Белый халат, шапочка, поди догадайся и разберись.

– В этом и суть проблемы, – согласился Дубняк. – Многие норовят за взятки и по большому благу пролезть в мединститут, на “тройках” дотянуть до диплома, получить его, а потом заняться частной практикой. Я пошел по признанию, как говорят, по зову сердца, закончил вуз с красным дипломом.

– Приятно. Мне порекомендовала к вам обратиться давняя подруга Инесса Арнольдовна Оселедец, вдова известного архитектора.

– Знаю, знаю, моя постоянная пациентка. Как у нее со здоровьем? Зубы не беспокоят? – поинтересовался Семен Романович. – У нее, если мне не изменяет память мост на нижней челюсти.

– У вас прекрасная память. Во время последней встречи Инесса на зубы не жаловалась. А вот повышенное давление ее беспокоит, видимо, симптомы гипертонии. – Элеонора Борисовна, что вы все о подруге, как ведут себя ваши драгоценные зубки? – участливо спросил стоматолог, не покривив против истины, так как у нее, действительно, зубы были драгоценные, протезы и коронки из золота.

– Что-то капризничать стали мои зубки, поэтому и пришла к вам, чтобы не доводить ситуацию до адской боли. Кажется, то что-то мешает во рту, то чего-то не хватает?

– Не хватает деликатесов, – пошутил он.

– Как раз деликатесов и хватает на любой вкус и цвет. Черная и красная икра, печень трески и другая вкуснятина. Для аппетита употребляю бальзам и коньяк...

– О-о, душечка, тогда вам грех на судьбу жаловаться! Я себе такое меню не могу позволить.

– Да, посмаковать есть, что, а вот одиночество меня угнетает, – посетовала она. – Бывает, что не с кем словом обмолвиться. А тут еще с Инессой поссорилась. Она, почему-то решила, что я первой отправлюсь на тот свет и потребовала, чтобы в завещании отписала ей квартиру и все добро. Не дождется, сама раньше меня дух испустит.

– Только в небесной канцелярии решают, кому выписать командировку в рай или в ад, – заметил Дубняк. — Люди беспомощны, как букашки, суетятся и не ведают о своем смертном часе.

– Вы абсолютно правы. Поэтому я показала ей кукиш. Инесса уже почти месяц на меня дует, молчит, как рыба, ждет, у кого нервы не выдержат. Долго ей придется ждать, у меня характер нордический, как у моего любимого Штирлица, которого Славик Тихонов замечательно сыграл. Много раз смотрела этот фильм, со счета сбилась, каждый кадр и текст помню, могу среди ночи пересказать...

– Пересказывать не надо, я вам верю, – поспешно произнес он. – Значит, у вас прекрасная память, маразм и склероз не грозят.

– Спасибо за комплимент.

– В отношении, даже с подругой, надо быть осторожной, а то ведь чужая душа – потемки, – поддержал Лозинку Дубняк. – Неизвестно, что она подруга задумала. С помощью ушлого нотариуса так дело провернет, что останетесь на старости лет бомжей без квартиры и имущества.

– Семен Романович, вы прямо мои мысли прочитали. Какой пронизательный и мудрый мужчина! – восхитилась она.

– Так это и ежу понятно, – скромно произнес стоматолог.

– А для меня поход к дантисту, все равно, что пытка, – вздохнула пациентка.

– Неужели я похож на палача, на мучителя? – шутливо

обиделся Дубняк и указал рукой на кресло. Помог ей удобно устроиться.

– Семен Романович, вы – редкое исключение, – заверила Лозинка. – Даже короткое общение с вами избавляет от боли.

– Хотите сказать, что я заговариваю зубы? – рассмеялся он.

– Не знаю, каким способом вы так благотворно воздействуете на пациентов. Наверное, тонкий психолог, обладаете белой магией?

– Приятно слышать, но вы, любезная Элеонора Борисовна, того и гляди, возведете меня в ранг колдуна или волшебника. Я обычный стоматолог, каких тысячи, – поскромничал он.

– Нет, вы особый, поэтому дамы почитают за честь попасть к вам на прием. – Благодарю за доверие, а теперь к делу. Итак, на зубах налет, образовались камни, надо чистить и десны бледные и рыхлые, – сообщил Дубняк, осматривая полость рта пациентки.

– А что же вы хотели, – с трудом выдавила она из себя звуки. – Мне ведь скоро семьдесят пять стукнет... Собираюсь юбилей отметить, мечтаю дожить до девяноста лет. В моем роду долгожители, хороший генофонд.

– Элеонора Борисовна, душечка, ради Бога, не выдавайте свой возраст. Вам больше шестидесяти пяти не дашь. Привлекательная женщина, наверное, женихи из военных от-

ставников, не ниже полковника, а то и генералы, заглядываются?

– Семен Романович, не смущайте меня, мои цветущие годы время унесло, – посетовала она.

– Так что вас беспокоит?– спросил Дубняк, изобразив на лице высшую степень озабоченности.

– Что-то с прикусом,– вздохнула Лозинка. – Коронка за язык задевает, скребет. Либо она перекошена, либо стерта.

– Не будем гадать на кофейной гуще, мигом выясним,– сказал стоматолог.– Прошу вас, расслабьтесь. Не волнуйтесь, боли не будет.

– У вас волшебные руки, – авансом поблагодарила пациентка, вытянувшись в полный рост на ложе кресла. Он аккуратно поправил ее голову с пепельно-седыми волосами, заколотыми серебряным гребнем с дымчато-оранжевыми камнями топаза. Включил свет лампы, направил луч на покрытое сеткой морщин лицо Элеоноры Борисовны и приказал:

– Шире откройте рот.

В правую руку Дубняк взял никелированный с заостренным наконечником блестящий инструмент, а в левую зеркальце. Осмотрел нижний и верхний ряды зубов, густо протезированных золотом и коронками из того же благородного металла. Тщательно изучил полость рта и сделал для себя исключительно важный вывод, что мадам не бедствует. Наверняка, накопила не хилые сбережения на сытую старость. Он давно подметил, что в частную поликлинику обычно обра-

щуются более-менее обеспеченные состоятельные люди, не желающие пользоваться услугами нищих государственных учреждений медицины, ибо бесплатный сыр только в мышеловке.

– О-о, уважаемая Элеонора Борисовна, ваш последний зуб мудрости накрылся, – стоматолог в подтверждение постучал никелированным инструментом и она ощутила боль в полости рта.

– Ой, ой! – вскрикнула Лозинка и по-птичьи втянула голову на тонкой шее в плечи.

– Пломба вылетела и дупло такое, что может таракан поселиться.

– Семен Романович, что вы говорите, даже смутили меня, – заерзала она в кресле. – В моей квартире ни тараканов, ни клопов и других насекомых нет, чистота и порядок. И чем, по-вашему, мой зуб накрылся?

– Это такой термин. Придется его удалить, чтобы инфекция не проникла и не отравила весь организм.

– Доктор, не надо, как же я проживу без зуба мудрости, совсем отупею? – всполошилась старушка. – И потом, я ужасно боюсь боли, может сердце не выдержать. Постарайтесь его сохранить, вы же мастер золотые руки. Я вам заплачу, как полагается, только не рвите, не травмируйте мою психику и челюсть. Помилосердствуйте и вам зачтется...

Стоматолог озабоченно почесал затылок.

– Придется поломать голову над вашим зубом мудрости,

здесь тонкая, ювелирная работа. Вам из какого металла коронку изготовить? Может стальную с золотистым напылением – «булат» или? – решил он проверить платежеспособность пациентки. – Заверяю, в отличие от мягкого золота, коронке не будет износа.

– Сталь, железо и прочую ерунду предлагайте другим, а я на своем здоровье экономить не собираюсь, – с обидой произнесла Лозинка. – Только из платины или золота. Слава Богу, я не бедствую и могу себе многое позволить.

– Рад, очень рад за вас! – искренне обрадовался стоматолог. – Действительно, на здоровье только глупый и жадный человек экономит. Конечно же, изготовлю вам коронку из золота, а платина, хоть и дороже, но менее эстетична. Для красивой, радостной, ослепляющей улыбки золото в самый раз. Будете постоянно скалить зубы и всех ослеплять американской улыбкой. Поставлю штифт и наращу новый. Если не пожалеете средств, то потом укрою его коронкой из золота или платины.

– Согласна. На чем-то другом, а на питании, лекарствах, лечении я никогда не экономлю. Жадностью человек лишь укорачивает свой земной путь, все равно, что добровольно копает себе могилу.

– Да, Элеонора Борисовна, хоть у вас и остался один зуб мудрости, который нуждается в капитальном ремонте, но в мудрости и прозорливости вам не откажешь, – польстил ей Дубняк. – В знак уважения и восхищения вашим оптимиз-

мом, бережливым отношением к своему здоровью я вам поставлю вечные зубы. Будут такие же прочные и острые, как у акулы или пираньи. Лесные и грецкие орехи будете щелкать, словно семечки. Даже, когда челюсти совсем износятся, зубы останутся, как новенькие...

– Ой. Семен Романович, премного вам благодарна, – она закивала головой. – Мне хотя бы лет на пятнадцать-двадцать хватило. Сколько той жизни осталось? Уж восьмой десяток разменяла. Другие и до пятидесяти, шестидесяти лет не доживают, а некоторые и раньше умирают от треклятого рака, саркомы, СПИДа, туберкулеза, сердечных и психических болезней. Меня Бог милует за мою скромную и праведную жизнь. А вечные зубы на том свете мне ни к чему.

– Душечка, вы, же не собираетесь умирать?

– Вы, господин доктор, тоже не торопитесь? – озадачила пациентка его встречным вопросом.

– Мне еще рано об этом думать, – улыбнулся он. – Я, пожалуй, в два раза моложе вас.

– Об этом никогда не рано думать. Наша жизнь непредсказуема, полна неожиданностей и опасностей, – заявила она с видом знатока, сделавшего открытие. – Но торопиться на тот свет не надо. Еще никто из могилы не поднялся и не рассказал, что там на самом деле, бездна тьмущая или райская жизнь для избранных?

– Вашими устами, дорогая и мудрая, как сова, Элеонора Борисовна, глаголет истина, – заверил стоматолог и подумал:

«Вот, старая каракатица, на ладан дышит, а за жизнь из последних сил цепляется. Пожила ведь в достатке и роскоши, в отличие от многих женщин сурового военного и послевоенного времени. И сказывают, безотказной красавицей была, охотно мужу изменяла, а теперь безгрешной и праведной прикидывается, хоть всех святых выноси. Все-таки есть среди женщин коварные и лукавые создания, прирожденные актрисы. Но и меня на мякине тоже не проведешь, жизнь потерла жерновами».

– Вы не ошиблись, и одна из старых коронок, действительно, стерлась, – сообщил стоматолог, слегка постучав инструментом по коронке, спросил. – Так не болит?

– Ой, шибко болит, и ощущение неприятное, словно, извините, в туалете, – пожаловалась пациентка.

– Неправильный прикус, – вынес Дубняк свой вердикт. – Поэтому во время приема пищи вы постоянно будете ранить язык. Коронку надо срочно заменить. Но в данный момент у меня нет подходящей. Вы же не соглашаетесь на «булат», хотя он прочнее и долговечнее золота. К тому же и намного дешевле?

– Конечно, нет, зачем мне «булат», когда есть золото и платина, – не без гордости заявила Элеонора Борисовна. – Золото не окисляется, я не хочу «булатом» травиться. Пусть его крестьяне ставят, а у цыганского барона, сказывают, даже у коня золотые зубы.

Дубняк не стал ее переубеждать в том, что «булат» пред-

ставляет собой золотистое напыление металла и никакой угрозы для жизни не имеет, но протезы и коронки из него благородны по виду и пользуются популярностью у пациентов. Высокомерное пренебрежение Лозинки к «булату» утвердило его в мысли, что она не последние деньги готова заплатить для замены коронки. Он тщательно осмотрел полость рта, выключил свет прибора.

– Десны у вас, Элеонора Борисовна, не ахти, бледно-розовые, рыхлые, – покачал сокрушенно головой стоматолог. – Рекомендую чаще полоскать полость рта отварами дубовой коры, софоры, череды, шалфея, эвкалипта или чабреца...

– Я дорогую зубную пасту покупаю, бленда-мед и макинз. Не жалею денег, здоровье дороже, – недослушав, перебила его пациентка.

– Вы тоже помешались на рекламе. От этих заморских средств польза для десен и зубов такая же, как мертвому припарка, – усмехнулся он. – Лучше используйте не химию, а народные, проверенные многовековой практикой, природные средства, экологически чистые и эффективные.

– Ой, спасибо вам за добрый совет, – улыбнулась Элеонора Борисовна. – Теперь я накоплю в аптеках разных трав. Кроме тех, что вы назвали еще и зверобой, тысячелистник, бессмертник, подорожник, росторопшу, мать и мачеха, крушину...

– Ну, мать и мачеху, и крушину не обязательно, – рассмеялся он. – Это нечто вроде противозачаточных средств, в ва-

шем, далеко уже не бальзаковском возрасте, эта проблема, наверное, не угрожает.

– Говорят, что еще пчелиный прополис полезен, как антисептик? – вспомнила женщина.

– Да, полезен, – подтвердил Семен Романович. – Но его цена кусается, не каждому по карману, как и маточкино молочко. Полезно, но не всякому доступно.

– У меня валюты хватит и на прополис, и на молочко, – похвасталась Лозинка. – Ради здоровья и продления жизни ничего не жалко. Казалось бы, уже пожила свое, седьмой десяток разменяла, а помирать все равно не хочется. Рай там ждет или ад, никому неизвестно, но земная жизнь лучше. С мое поживете и все поймете, чем ближе к роковой черте, тем больше дорожишь каждым часом, минутой и секундой.

– Верно, человек из последних сил цепляется за жизнь. Она приятна, как терпкое вино из массандровских погребов, – согласился стоматолог и велел. – Присядьте к столу.

Помог Элеоноре Борисовне подняться, сойти с кресла и пояснил. – Вашим коронкам и протезам, уже лет шесть-семь, износились и требуют капитального ремонта. Ничто не вечно под Луной.

– Да, семь лет, – подтвердила она. – Протезировала, когда еще мой супруг незабвенный, Филипп Савельевич, жив был. Царство ему небесное. Уже три года, без него, сердешного на белом свете маюсь. Он у меня адвокатом работал, юридической конторой заведовал, уважаемым человеком был, столь-

ких известных людей от тюрьмы спас. А я у него конторе делопроизводством занималась.

Славное было время. Кроме зарплаты за выигранные уголовные и гражданские дела еще и гонорары, разные там подарки, получал. Клиенты не скупились. Сорок лет с Филей прожила, как у Бога за пазухой. Где мы только с ним не побывали. И в Большом театре в Москве, и в Одесском оперном, в Эрмитаже и Третьяковке, в Алмазном фонде, во дворцах крымского Южнобережья, а уж в Ялту и Сочи, в Трускавец и Цхалтубо, считай каждое лето ездили. С деньгами и путевками проблем не было. По моим путешествиям можно географию изучать. Это сейчас я всеми забытая и одинокая. Эх, старость не радость ...

– Я вас хорошо понимаю, – вздохнул стоматолог. – При солидном муже блистали в светском обществе. Судьба изменчива. Сейчас многим живется скудно и одиноко? Дай Бог вам счастья и благополучия, процветания и долгих лет жизни.

– Вашими молитвами, Семен Романович, пусть они дойдут до всевышнего, нашего творца и спасителя, – пожелала она. – Я не страдаю, слава Богу, муж обеспечил, а другим хуже приходится. Часто, сидя на скамеечке у подъезда, вижу, как нищие бомжи в мусорных бачках и контейнерах роются, а беспризорники пристают, на хлеб денежку просят. Жалко мне их, сердце кровью обливается. Когда, что есть в кошельке, обязательно подам. На том свете доброта и милосердие

зачтутся.

– На этом тоже, – улыбнулся Дубняк. – Так вы настоящий меценат, как Савва Морозов.

– Конечно, – призналось женщина. – Я уже в таком возрасте, что пора подумать о душе, о бренности жизни. Бог, он все зрит и хорошее, и плохое и даже сказывают, что помыслы каждого человека знает. Всем воздаст за заслуги и прегрешения. Может Господь меня оценит и во второй жизни превратит в кошечку персиянку дымчатого цвета, а не в змею или волчицу. Хочу, чтобы меня все любили, кормили и по шерсти гладили. Поэтому не случайно меня каждый раз до слез волнует песня: «Наверное, в следующей жизни я стану кошкой...»

– Забавный, душещипательный опус, – ухмыльнулся стоматолог и заметил с иронией. – Не следует расстраиваться по пустякам, чему быть, того не миновать. На все Божья воля.

– Семен Романович, недавно я прочитала в газете, что у знаменитого артиста Армена Джигарханяна, у того, что сыграл роль Горбатого – главаря банды «Черная кошка» из фильма «Место встречи изменить нельзя», умер любимый кот Фил. Я бы ни за какие коврижки не согласилась бы исполнять мерзкую роль.

– Вам бы ее никто и не предложил, – улыбнулся стоматолог. – Актеры – это лицедеи, марионетки, должны уметь изображать и героев, и злодеев, иначе грош им цена. Вот они и лезут из кожи, чтобы отличиться. Дилетантам в театре

и кино не место. Каждый должен заниматься своим делом, учить или лечить.

– Умные слова, я с вами согласна на сто, даже на двести процентов. О чем же я хотела еще сказать? – потеряла Лозинка нить диалога. – А-а, по поводу кота. Так вот, Армен до сих пор о нем печалится

– Ну, что с того? У каждого человека свои причуды и заскоки.

– Не скажите. Если собаку или других животных можно приручить, то кота, кошку невозможно. Не зря говорят, что кот гуляет сам по себе, – с загадочным видом, будто сделала открытие, сообщила Лозинка. – Они знают, что-то тайное и важное, недоступное человеческому разуму. Ученые, парапсихологи считают, что коты, кошки являются посредниками между миром живых и мертвых и поэтому их называют лунными созданиями. Перед тем, как умереть, кот или кошка уходят в укромное место, подальше от людей. Поэтому поговорка о том, что смерть красна, не для них, неземных существ, пришельцев из космоса.

– Все это выдумки шарлатанов, – усмехнулся Дубняк.

– Прямых доказательств нет, лишь, косвенные версии, – вздохнула пациентка. – Если бы, хотя бы часок побывать на том свете. Узнать, так ли на самом деле и возвратиться обратно?

– Это, душечка, невозможно. Оттуда еще никто не возвратился, – заметил стоматолог. – Не тешьте себя иллюзия-

ми. Человек, это тоже растение, выросло, расцвело и завяло, превратился в тлен и прах. Останутся на радость археологам только скелет, череп и зубы, в том числе платиновые, золотые и стальные протезы. . .

– Ох, как не хочется умирать, как хочется еще пожить, порадоваться солнцу, зеленой траве, цветам, пению птиц, – плаксивым голосом призналась словоохотливая пациентка.

– Успокойтесь, вас никто не хоронит. Живите себе на здоровье. Отремонтирую зубки и еще не одну тонну разных деликатесов, овощей и фруктов перемолотите и пережуете.

– Спасибо, спасибочко, ваши слова, как бальзам на больное сердце..

– За другие органы человека я не отвечаю, а высокое качество зубов лет на пятьдесят вам, Элеонора Борисовна, гарантирую.

– Ой, что вы, Семен Романович, пятьдесят лет?! – всплеснула она руками с пальцами унизанными золотыми перстнями и кольцами. – Хотелось еще столько прожить, но так долго люди не живут. Это сколько же мне тогда исполнилось бы? Больше ста двадцати лет. Если бы продолжительность жизни зависела только от качества зубов, то я бы к вам каждый день ходила.

– Не волнуйтесь, если даже помрете раньше срока, то зубные протезы целыми останутся и когда-нибудь через сотни или тысячи лет археологи или гробокопатели их отыщут, – на полном серьезе сообщил он. – Даю вам слово професси-

онала.

– Жизнь коротка, поэтому надо ценить каждый день, – вздохнула Лозинка и прагматически заметила. – На Бога надейся, а сам не плошай, гляди в оба. Я, в отличие от других дам, очень забочусь о своем здоровье, о долголетию, интересуюсь разными бальзамами и дорогими дефицитными лекарствами, тайнами народной и тибетской медицины, советами астрологов, экстрасенсов и знахарей, чтобы максимально продлить годы своей жизни.

– Правильно делаете, если сами не побеспокоитесь, то другим до вас нет никакого дела. Однако, красивая у вас мечта, хотя кошка тоже хищница с острыми зубами и когтями, мышке не позавидуешь, – криво усмехнулся Дубняк и со злорадством подумал: «Ишь, чего захотела облезлая кошка. На ладан дышит, а за жизнь из последних сил цепляется. Сгниешь вместе с гробом, одни кости останутся».

– А я считаю, что человек самый опасный хищник, – философски заметила пациентка. – Животным простительно, их природа наделила инстинктами, рефлексамии, а человек сознательно поедает и убивает «братьев наших меньших», ради чревоугодия.

– Элеонора Борисовна, если следовать вашей логике, то нам остается только травой, сеном, как жвачным и парнокопытным, питаться, – рассмеялся стоматолог. – Вы, как хотите, ешьте себе на здоровье щавель, салат из одуванчиков, варите щи из топора, а я вегетарианцем никогда не был и не

буду. Обожаю шашлыки, жаркое, балыки, шницеля и прочие мясные блюда, черную, красную и паюсную икру. – Мясная пища укорачивает жизнь, – с лукавством напомнила Лозинка.

– Меня это не тревожит, я проживу долго и счастливо, – уверенно заметил он. – В наследство получил гены долгожителя.

– Только творец Господь решает, кто и сколько проживет, – возразила она и перекрестилась унизанными золотыми кольцами и перстнями с самоцветами сухими пальцами.

– Это похоже на трибунал, – сухо заметил Семен Романович, орудуя никелированным инструментом.

– Так оно и есть, небесный трибунал, иначе не будет порядка и жизни, – подтвердила Элеонора Борисовна. – Если бы не Филипп Савельевич, я бы тоже сейчас бедствовала на нищенской пенсии. Но слава Богу, он не оставил на произвол судьбы. Те деньги, что были на сберкнижке, сгорели, инфляция еще при Горбачеве, этом меченом пустомеле, съела. Жаль, на них в то время можно было автомобиль «Волгу» купить или трехкомнатную квартиру в Керчи. Но я большая любительница разных драгоценностей, украшений. Видите, пальцы на моих руках одеты в золото и платину с драгоценными камнями. Это часть моего капитала, моя валюта, тем и живу, не шибко тужу. На пенсию не прожить, давно бы ноги протянула.

Дубняк оценивающе посмотрел на пальцы Лозинки, уни-

занные перстнями и кольцами с ярко– красными рубинами и небесно-голубыми сапфирами, с зелеными блесками изумруда в золотых серьгах пациентки.

– Украшения – слабость женщин, – произнес он. – Умные люди уже накануне инфляции вкладывали деньги не на сберкнижки, а в золото, платину, серебро, драгоценные камни, автомобили или недвижимость. Но кто знал, что так события обернутся. Копили ведь на «черный день». А он оказался таким коварным и жестоким.

– На сбережения, что сгорели на сберкнижке, я бы могла бы столько драгоценностей закупить, – посетовала старушка. – Но Филипп Савельевич меня сдерживал, советовал жить скромнее, чтобы не вызывать подозрений у завистливых жен партийных бонз. Это была тогда его единственная ошибка. Но я супруга не корю, кто мог предвидеть, что после этой горбачевской перестройки, будь она неладная вместе с ее главным архитектором, начнется такой бардак. Инфляция честных тружеников превратила в нищих.

Супруга своего я не осуждаю. Часто в церковь хожу и ставлю свечку за упокой души раба божьего, нищим милостыню подаю. Он мне оставил неплохое состояние, до смертного часа хватит одной. Близкой родни нет, была старшая сестра Алина, но уехала в Хайфу, год назад преставилась на той земле обетованной. Все туда, сломя голову, подались, словно там медом помазано.

В Израиле еврею еврея трудно перехитрить, а здесь на рус-

ском Иване можно воду возить. К тому же палестинцы не дают покоя. А мне и здесь хорошо, сдаю ювелирные изделия в скупку, а деньги трачу на продукты питания, лекарства, массаж, на оплату телефона, жилья и коммунальных услуг.

– У вас есть телефон? В карточке не отмечено, – оживился Семен Романович. – Будьте добры, назовите номер на всякий, как говорят, пожарный случай. Вдруг вам потребуется срочная помощь.

Она охотно назвала цифры. Стоматолог записал в блокнот и пояснил: – Тем пациентам, у которых есть домашний телефон, всегда можно оказать экстренную неотложную медпомощь на дому. На Западе уже давно существуют семейные врачи, обслуживающие постоянных пациентов. Оперативно и удобно. И у нас со временем придут к аналогичному медобслуживанию. Я записал номер в вашу карточку и теперь, хотя бы один раз в два месяца буду приглашать на профилактический осмотр, чтобы не допустить пародонтоза или цинги.

– Благодарю вас за чуткость, – сказала она, потеряв нить рассказа, и поинтересовалась. – А у вас, Семен Романович, есть домашний телефон? Вдруг потребуется срочная помощь.

– Увы, нет, – ответил он. – На установку телефона большая очередь. Сначала обеспечивают ветеранов и инвалидов войны. Так оно и должно быть по закону, поэтому я не огорчаюсь, терпеливо жду своей очереди. А если разбогатею, то

приобрету мобильный телефон. О вас, почему дети не заботятся и не помогают? Это их священный долг перед родителями.

– Не дал Бог мне и Филиппу Савельевичу детей, – взгрустнула Элеонора Борисовна. – У него какие-то проблемы были. Мы еще со студенческих лет полюбили друг друга. Я не решилась его оставить или согрешить на стороне, хотя такие возможности были. Так и прожили одни, а взять какую-нибудь сиротинку из роддома или детдома не отважились. Всякая ведь может быть наследственность у чужого дитя.

Какой-нибудь психопат или будущий преступник попадетя от алкоголиков или шизофреников. Нормальные родители своих детей не бросают. Мыкайся потом с дебиллом всю жизнь. Вместо благодарности, одни неприятности. Чужое дитя, оно и есть чужое. Это все равно, что волка как его не корми, а в лес смотрит.

– Да, чужая душа – потемки, гены, наследственность не сразу проявляются, – сказал стоматолог. – Поэтому вы совершенно правильно поступили, что не стали рисковать. Казнили бы себя потом за оплошность. Эх, Элеонора Борисовна, я о другом тревожусь. Вы смелая женщина.

– Семен Романович, вы мне льстите.

– Вы достойны этого. Носите на себе столько драгоценностей. Я, извините, подсчитал, что не меньше, чем на три тысячи долларов и чувствуете себя уверенно, – пояснил Дубняк. – Ведь по дороге домой или в подъезде вас могут огра-

бить, убить или изнасиловать, не перевелись маньяки-некрофилы.

– Кому я, старая, нужна, – улыбнулась Лозинка. – Сейчас на молоденьких красавиц охотятся, чтобы значит, ну сами, понимаете, полакомиться. Мои лучшие годы пролетели, словно вихрь, такое ощущение, что и не жила. Что касается драгоценностей, то вы правы. Но я хитрая и осторожная, хожу только в дневное время в очень людных местах. Если кто и нападет, то буду кричать, что есть мощи. Народ соберется и защитит. Меня в доме все уважают и почитают.

– Элеонора Борисовна, одолжите мне хотя бы десять тысяч долларов под два процента годовых, – неожиданно попросил стоматолог.

– Знаете, я бы вам и без процентов дала такую сумму, но вы ее от меня не получите, – вкрадчиво заявила пациентка.

– Это почему же? – удивился, было обнадеженный, Дубняк. – А потому что я вам валюту не дам, – твердо ответила она и пояснила. – Мои тридцать тысяч долларов лежат на депозите в коммерческом банке под десять процентов годовых. На эти проценты я и живу, чтобы не закладывать свои драгоценности в ломбард или не сбывать платину, золото и серебро скупщикам.

– Жаль, я так рассчитывал на вас. И много у вас драгоценностей в шкатулке ли в чулке?

– На мой век хватит, хотя любой женщине хочется иметь больше ювелирных изделий. Семен Романович, вы только не

обижайтесь, но у меня железный принцип: ни у кого ничего не брать, никому ничего не давать, – немного смутившись, заявила пациентка. – Меня к такой позиции приучил Филипп Савельевич, супруг мой драгоценный. Он твердо следовал примеру князя Меншикова, друга царя Петра первого, деньги и другие ценности брать, но никому ничего не давать.

Если бы мой Филя налево и направо, да на любовниц, деньги тратил, то я бы сейчас с голоду помирала. Распухла бы, как пампушка и закопали без духовой музыки и почетного караула. А так на здоровье не жалуясь, вот только зубы подлечу. Вам скажу по секрету, что все мои сбережения в золоте, платине, серебре и самоцветах, янтаре и хрустале. К бумажным купюрам, в том числе и к доллару и евро, у меня большого доверия нет, они подвержены инфляции, а ювелирные изделия бесценны. Их время делает еще дороже.

– Довольно странный принцип, а как же тогда быть с тем, что все люди братья? – заметил, нахмурившись, Дубняк.

– Ничего нет странного. Чтобы ни с кем не ссориться и не враждовать, не следует никому ничего одалживать, так как нередко добро оборачивается злом, черной неблагодарностью. Семен Романович, возьмите кредит в банке и все дела.

– Спасибо за столь мудрый совет, я сам, бестолочь, как-то не додумался до столь простого решения, – с сарказмом ответил он. – Там дают под высокий процент и в залог недвижимости. Такие драконовские условия меня окончательно

разорят и по миру пустят.

– Зачем вам, если не секрет, не коммерческая тайна, валюта потребовалась? – оживилась старушка и сама же ответила. – Наверное, решили подержанную иномарку купить.

– Да, очень подержанную, развалюху, чтобы ... вставить ей золотые зубы, – резко произнес Дубняк, и она поняла, что он обиделся.

– Семен Романович, я бы с радостью, но боюсь, что мне самой до конца жизни средств не хватит, аппетит у меня, дай Бог каждому. Это первый признак крепкого здоровья. Раньше работников принимали по тому, как усердно и много они ели, а доходяг гнали со двора. Я не хочу с голоду помереть. Планирую еще лет пятнадцать-восемнадцать до девяноста прожить, – призналась она. – А если повезет, то и до ста одного, как мать английской королевы Елизаветы второй. Чем мы хуже? Сердце, легкие, печень, желудок, кишечник, да и другие органы у меня еще крепкие. Вот зубы у вас подремонтирую, все будет в полном порядке, хоть замуж за полковника выходи.

Но я предложения сердца и руки не принимаю, сохраню до конца своих дней верность Филиппу Савельевичу, чтобы потом, когда с ним повстречаюсь на том свете, он меня не осуждал. Многие косятся на мое богатство, а уверяют, что любят. Те, что моложе, сразу требуют написать завещание на квартиру и все имущество. Рассчитывают, что я первая Богу душу отдам, но я туда не тороплюсь. Меня не проведешь, по

глазам вижу, что человек замышляет.

– Да, вы проницательная женщина. Подлечу зубки, лет двадцать с плеч сбросите, враз помолодеете, потому что здоровые зубы – здоровью любви, – польстил ей стоматолог, решив не портить отношения, а сам подумал: «Вот, старая княжна, уже на ладан дышит, а вздумала с матерью королевы тягаться. Как чахлый и скупой рыцарь на золоте и платине и камнях-самоцветах сидит».

– Вот когда вы, любезный Семен Романович, подлечите мои зубы, тогда я может быть какой-нибудь скромный подарок вам и преподнесу, – пообещала Лозинка и предупредила. – Но на многое не рассчитывайте. Не хочу, чтобы это расценили, как взятку и посадили на старости лет и вас, и меня за решетку.

– Я себя стариком не считаю, – возразил Дубняк.

– Я тоже, – изобразила она на покрытом сеткой морщин лице улыбку, ослепив его блеском золотых зубов. – Вы – искусный льстец и женский сердцеед.

– Льстец всегда лучше, чем наглец?

– Конечно. Мне бы лет тридцать сбросить, тогда я, на самом деле была стройной, тонкой и гибкой, как лозинка. Вы бы глаз не смогли от меня отвести, а бы вас соблазнила, – размечталась вдова.

– Я бы не возражал, ответил бы взаимностью, – подыграл он ее тщеславию и посоветовал. – Вы все же спрячьте дома драгоценности, не рискуйте, а то какая-нибудь сволочь по-

льстится. А дома у вас золото будет в полной сохранности. Придете завтра в это же время, а сейчас у меня очень важный клиент.

– Разве я не важный клиент? – обиделась женщина.

– Вы еще важнее, – изобразил он на лице радушие и повинулся. – Элеонора Борисовна, вы очень душевный человек и я бы с вами напролет часами на разные интересные темы говорил, но, увы, время поджидает. Вынужден добывать хлеб свой насущный, я ведь, как тот токарь или пекарь, на сельщине. Сколько зубов вырвал, сколько вставил, столько и получил. К концу смены с ног валюсь от напряжения и усталости. Работа ответственная, ювелирная, а пациенты бывают очень капризные и привередливые.

– Очень вам сочувствую, – искренне призналась она. – Вы тоже приятный и умный собеседник. Не заметила, как и время пролетело. Верно, кто-то сказал, что влюбленные часов не наблюдают.

– О чем вы, Элеонора Борисовна, какие мы с вами влюбленные? – удивился он ее неожиданной фантазии, заподозрив старческий маразм.

– Зато родственные души, – не смутилась дама и улыбнулась. – Была бы я лет на тридцать или хотя бы двадцать моложе, может быть у нас и вспыхнули взаимные чувства, получился красивый роман на зависть подругам.

– Возможно, возможно... не зря говорят, что любовь слепа, а все люди братья, – усмехнулся стоматолог.

В дверях показался солидный мужчина в костюме-тройке с волевым лицом.

– Семен Романович, у меня времени в обрез, а вы посиделки устраиваете, – менторским тоном заявил он. Лозинка без слов поняла, что надо уступить теплое место.

– Я вам очень признательна, Семен Романович. Сколько с меня грошей? Только не слишком много, по совести, – она раскрыла ридикюль и достала кошелек, вышитый мелким разноцветным бисером.

– Что вы, Элеонора Борисовна, какая может быть плата с бедной соломенной вдовы?! – расшаркался стоматолог. – Я вас только проконсультировал. И от общения с вами, интеллигентной аристократической женщиной, получил максимум удовольствия и заряд бодрости. Кашпировский и Чумак вам и в подметки не годятся, вы настоящий психотерапевт, самородок. Я напишу о вас заметку в газету.

– Ой, вы меня прямо окрылили своими словами, – воспрянула духом женщина. – Мне доставляет огромное удовольствие общение с вами. Поговорила и зуб под коронкой перестал болеть. Как рукой сняло. Вы прекрасно умеете зубы заговаривать, в хорошем смысле этой присказки.

– Это временный эффект, потому что вы отвлеклись от боли, – заметил Дубняк. – Не тешьте себя иллюзиями, боль не пройдет, надо менять коронку. Жду вас завтра, не опаздывайте. Вы же знаете у меня все расписано по минутам, в пациентах нет недостатка.

Стоматолог взял со стола карточку истории болезни с логотипом МЧП «Коралл» и с изображением красивого лица с белоснежной улыбкой на обложке с надписью «Крепкие зубы – здоровью любви!» и для видимости крайней озабоченности состоянием зубов пациентки сделал какие-то пометки.

– Семен Романович, будьте добры, дайте мне свою визитку или запишите номер квартирного, а лучше мобильного телефонов, – попросила Лозинка, слезая с кресла. – На всякий пожарный случай, вдруг потребуется срочная помощь.

– С большим удовольствием, но, увы, – Дубняк, слегка наклонившись, развел руки. – Нет у меня ни визитки, ни квартирного, а тем более, мобильного телефонов. Не все такие состоятельные, как вы. Не заработал, едва свожу концы с концами. Звоните на служебный телефон и только в рабочее время. По пустякам не беспокойте.

Что-то я с вами, как на посиделках, разговорился. Язык без костей, что помело. Вы, как те влюбленные, часов не наблюдаете, а у меня каждая минута на вес золота. Очередь за дверью не кончается. Работаю, как у конвейера, без отдыха и перекуров.

Дубняк дал понять, что разговор исчерпан, и Лозинка наконец поняла

– Буду вовремя, я вас еще никогда не подводила, – пообещала Элеонора Борисовна и вышла из кабинета, а ее место занял госслужащий первой категории второго ранга, высоко осознающий роль и ценность своей личности в строитель-

стве независимой державы. Стоматолог был весьма польщен его визитом, поскольку тот мог в перспективе поспособствовать реализации его заветной мечты.

2. Заветная мечта

Дубняк, тридцати семи лет от роду, среднего роста, худощавый с волнистыми каштанового цвета волосами и женственно-обаятельным лицом с карими глазами, после успешного окончания мединститута страстно мечтал о собственной стоматологической поликлинике.

Он часто представлял ее в своем романтическом воображении, как белое, отделанное по евростандарту помещение на десять кабинетов лечения, зубопротезирования и художественной реставрации зубов, лаборатория. Эта поликлиника являлась в его сны, и он осязал архитектуру здания, содержимое кабинетов и лаборатории, оборудованных современной медтехникой.

Не мудрствуя лукаво, Семен Романович даже придумал название своему заведению, из которого бы все пациенты выходили только с лучезарными бело и золотозубыми улыбками. Оно напрашивалось само собой «Жемчужина», а не «Медисса», «Кристалл», как в Симферополе, или нечто подобное в других городах Крыма.

Эпиграф Дубняк намеревался начертать перламутровыми буквами в фойе поликлиники из стихотворения Иосифа Уткина: «Как жемчуга на чистом блюде, блистали зубы у него». Оригинально, красиво и заманчиво. А вот другая

строка: «И били мальчика прикладам пол знаменитым жемчугам», его огорчила до глубины души. Попадись ему в руки японец микадо, то вырвал бы ему не только зубы, но и демонтировал челюсть. О строке с прикладом предпочитал не вспоминать. А вот зубы, блистающие, как жемчуга, согревали его сердце надеждой. Куда не сунешься один и тот же лозунг: «Здоровые зубы – здоровью любви!» Приелся, глаза намозолил, никого уже не вдохновляет.

За десять лет работы, сначала в государственной стоматологии, а потом в частной, хотя зарплата в зависимости от состоятельности пациентов и возросла, но не настолько, чтобы даже в отдаленной перспективе он мог купить помещение для поликлиники, оборудование, материалы и нанять профессиональных врачей.

К тому же чиновникам их Минздрава предстояло дать на лапу не одну сотню долларов за лицензию, да и местных клерков трудно было объехать на хромой кобыле. Невозможность быстрого осуществления мечты угнетала Семена Романовича, давшего себе обет жениться только тогда, когда прочно встанет на ноги, чтобы не плодить нищету. Наличие частной клиники и капитала даст право выбора самой лучшей и достойной его персоны красивой и состоятельной невесты.

«Даже, если каждый месяц буду откладывать с зарплаты по сто долларов, то лишь через четверть века смогу скопить средства на покупку однокомнатной, а лучше двух или трех-

комнатной, квартиры, – подсчитал Дубняк. – А ведь потребуются средства на ее перепланировку, ремонт, на приобретение медицинского оборудования, материалов. И все это на закате жизни. Такие черепаши темпы не годятся. В банке, конечно, дадут кредит, но под высокие проценты и в залог квартиры. Хрен редьки не слаще. Срочно надо искать источник прибыли, чтобы в течение одного-двух лет иметь на руках не меньше тридцати тысяч долларов. Лишь тогда откроются большие перспективы. Подберу команду стоматологов, назначу заведующего и пусть пашут, как папа Карло. А мое дело, не в зубах ковыряться, а считать прибыль и жизнью наслаждаться. Вместе с любовницами буду путешествовать по миру. Побываю на Лазурном берегу, на Майами, Канарах, Багамах, Мальдивах».

Эти размышления приводили его, то в восторг, то, угнетали тупиковой ситуацией, связанной с дефицитом средств на осуществление мечты. «Любовь любовью, но поговорка о том, что с милой рай в шалаше, безнадежно устарела, – размышлял Семен Романович на досуге. – Сейчас нет альтруистов, все метят в прагматики, рациональные и рачительные с прицелом на будущее». Красивая девушка, а он предпочитал отыскать девственницу, женщины отдают предпочтение состоятельным женихам, банкирам, бизнесменам, пусть даже внешне и не слишком импозантным.

Вот и Дубняк решил: чего бы это ни стоило, превратиться, если не в олигарха, (для этого надо быть политиком, ми-

нистром или депутатом с криминальными задатками), то в обеспеченного господина, чтобы отпала необходимость по несколько часов в день ковыряться в чужих, нередко гнилых зубах. Пусть этой процедурой займутся нанятые им специалисты, медсестры, лаборанты, хирурги и дантисты, дизайнеры, а он будет руководить, подсчитывать прибыль, думать о том, как бы надуть налоговую инспекцию и другие фискальные и контролирующие органы.

Мечтал быть над кем-то, а не под кем-то. А сейчас, скрипя сердце, вынужден подчиняться хозяину поликлиники, принося ему по известной теории Карла Маркса, прибавочную стоимость – краеугольный (золотой) камень политэкономии. Чтобы не потерять спортивную форму и вкус к жизни, он довольствовался короткими романами с легкомысленными женщинами и не обременял себя семейными узами и обязательствами. Встретились, потешились и разошлись, как в море корабли.

Быстро обслужив солидного клиента-чиновника, он погрузился в размышления: «Элеонора Борисовна – весьма интересная особа, словоохотливая и главное богатая и одинокая. Мне бы ее капитал, то я бы развернулся. Муженек у нее был не промах. Наверное, еще тогда в период перестройки, охотно брал взятки, подарки и другие подношения, делился с судьями, а те выносили мягкие приговоры, а то и оправдывали матерых преступников, давали условно или с отсрочкой исполнения приговоров. Эта схема хорошо известна.

По статьям Уголовного кодекса за деяние можно дать минимальный срок или наказать по максимуму, в зависимости от цены презента и все будет пристойно, в рамках закона, комар носа не подточит. Было бы Лозинке, хотя бы лет срок-пятьдесят, уломал бы ее на замужество или сожителство и прибрал бы к рукам ее капитал. А то ведь она мне, если не в бабушки, то в матери годится. Еще обвинят в домогательстве и ославят на весь город. Надо искать другой оптимальный вариант».

После окончания средней школы перед Дубняком было возникла дилемма: стоматолог или юрист? И одна, и другая профессии сулили дополнительную прибыль. Он посчитал, что последнее более хлопотное и поэтому, наслушавшись рассказов о преуспевающих стоматологах, имеющих дело с золотом и платиной, пошел по этой стезе. «Соблазн велик и риск не меньше, – подумал Семен Романович и закурил, чтобы унять волнение и сосредоточиться, припоминая подробности разговора с пациенткой о наследстве, оставленном ей адвокатом. – Все гениальное – просто. Но надо уточнить некоторые детали, чтобы избежать неожиданностей. Это может единственный в жизни шанс, который не следует упускать».

Лозинка, как и большинство старых людей, не страдающих склерозом, оказалась пунктуальной. Едва на табло электронных часов, стоящих на столе стоматолога засветились цифры 15. 00, женщина появилась в дверях. Переступила че-

рез порог, заметно прибодрившись, и бойко произнесла:

– Добрый день, Семен Романович!

– А-а, добрый день, Элеонора Борисовна! – поднялся, как и прошлый раз, стоматолог с вращающегося кресла. – По вам можно часы сверять. Если бы все были так же пунктуальны, воцарились бы порядок и гармония.

– Эта привычка у меня осталась еще со времени работы в юридической консультации, – польщенная его словами, ответила она. – Я еще никогда никого не подводила. Это мой принцип: ценить свое и чужое время.

– Хороший принцип.

– Филипп Савельевич, мой покойный супруг, часто внушал, что время – деньги, – ударились вдова в приятные воспоминания.

– Любимый лозунг буржуазии, алчных акул капитализма, – заметил стоматолог.

– Не возводите хулу, если бы он был буржуем, капиталистом, его бы из партии исключили, – возразила она. – Был ударником коммунистического труда, победителем соцсоревнования, ни минуты не сидел, сложа руки. Писал замечательные речи и статьи в газету. Бывало так, что судья и прокурор не могли сдержать слез на судебных заседаниях, слова проникали в самое сердце, умел разжалобить. Готовил свидетелей, подсказывал, что кому на суде говорить и часто выигрывал процессы. К нему даже из других городов приезжали за юридической помощью. Никому не отказывал, и люди

щедро благодарили. Телефон допоздна не умолкал, а теперь если кто один раз в сутки позвонить и тому рада, живой голос. А то все больше возле телевизора сижу или на кухне, не с кем словом обмолвится. Тоска, одиночество убивают...

– Да старость – не радость, – посочувствовал Дубняк и без обиняков спросил напрямую. – Так вы готовы мне одолжить валюту для реализации выгодного бизнес-проекта?

– Я всю ночь не спала, размышляла над вашим предложением и пришла к выводу, если Господь отпустит мне еще двадцать-пятнадцать лет жизни, то самой сбережений не хватит, – заявила пациентка. – Боюсь помереть от голода. Поэтому, уважаемый Семен Романович, не обижайтесь, мне самой валюта и драгоценности нужны, как воздух.

– Что ж, баба с воза, кобыле легче, – мрачно произнес он.

– Я – не баба, а интеллигентная дама.

– Элеонора Борисовна, вы слишком болтливы, язык без костей.

– Разве это плохо быть общительной? – обиделась пациентка.

«Очень упрямая старуха, хоть кол на голове теши, – огорчился он. – Однако с паршивой овцы, хоть кллок шерсти. Следует с нее под благовидным предлогом взять мзду». Он вкрадчиво и ласково пояснил:

– Элеонора Борисовна, имейте в виду, что здесь не государственная, а частная стоматология, поэтому без предоплаты услуги не оказывают.

– Я заплатила в кассу? – удивилась дама.

– Душечка, вы заплатили за осмотр полости рта и консультацию. А кто покроет затраты на расходные материалы, за мою ювелирную работу, за золотые протезы и коронки, – заявил Дубняк. – У меня нет ни золотого прииска, ни нефтяной или газовой скважины. Сам перебиваюсь с хлеба на воду, работать себе в убыток не намерен.

– Сколько я вам должна? – без энтузиазма спросила Лозинка.

– Пятьсот долларов.

– Почему так дорого?

– По кочану. Я ведь сказал, что за расходные материалы, золото и работу. Мне из этой суммы полагаются лишь двести долларов, остальные владельцу стоматологии. Я всего лишь наемный работник, а он – хозяин-барин. Сам устанавливает цены на услуги. Будь я собственником фирмы, то в два раза снизил бы плату за услуги, а ветеранов войны и труда, инвалидов обслуживал бы бесплатно.

– Элеонора Борисовна, если у вас есть лишние золотые изделия, кольца, перстни, браслеты, кулоны и другие вещи, то приносите.

– Драгоценности, как и деньги, лишними не бывают, – напомнила она.

– Возможно, сломанные или надоевшие изделия. Я их переплавлю на коронки и протезы, тогда и оплата будет меньше. Перстня с рубином, что на вашем пальце, хватило бы на

коронку.

– Всего лишь на коронку? – удивилась она, рассматривая массивный перстень. – Мне кажется, что на два зуба хватило и еще бы осталось. Я вам потом заплачу.

– Потом, суп с котом. Обязательна предоплата, таков порядок. Не я его установил, а хозяин-барин. Если вам кажется, что дорого, то перекреститесь, – сухо посоветовал Дубняк, и попенял. – Вы в стоматологии, как баран в музыке, ничего не соображаете. При плавке часть золота идет в отходы. Но в любом случае, если уложимся в меньшую сумму, то разницу вам возвращу до последнего цента. Мне лишнего не надо. Считайте, что сдаете мне валюту на сбережение.

Эти аргументы ее убедили. Лозинка раскрыла портмоне, и он краем глаза увидел купюры долларов и евро крупного номинала. Предположил, что у нее более полутора тысяч долларов. Пожалел, что продешевил, но, чтобы не вызвать у пациентки подозрения, сумму не стал менять, а принял из ее рук пять стодолларовых купюр. Спрятал валюту в карман пиджака.

Дубняк с оптимизмом произнес:

– Однако, как говорится, делу – время, а потехе – час. Займемся вашей коронкой. Вам бы только лясы точить, а мне надо вкалывать. Ведь не хотите, чтобы я поранил вам язык или десну?

– Не хочу. Я при виде крови в обморок упаду.

– Тогда откройте шире рот и минутку-другую помолчи-

те, – велел Дубняк. «Сам разговорил, а теперь еще и упрекает, – насупилась Лозинка, ощутив резкую перемену в настроении стоматолога. – Наверное, он обиделся, что я отказалась одолжить ему валюту. Я верна совету супруга: брать, но никому ничего не давать, ибо за добро люди часто платят черной неблагодарностью. Вылечу, подремонтирую зуб и больше порог этого кабинета не переступлю. Найду другого дантиста. Почитай, на каждом углу частные стоматологии работают. На Семене Романовиче свет клином не сошелся».

«Вот, старая жаба, уже одной ногой в могиле, а над каждой копейкой трясется, – с досадой подумал стоматолог и нашел себе оправдание. – Ну, что же, Элеонора, у тебя был шанс, альтернатива, но сама сделала выбор, никто тебя в спину не толкал. Жадность тебе дороже обойдется».

Дубняк жестом велел ей сесть в кресло. Приготовил необходимый инструмент и материалы. Включил осветительный прибор. Не прибегая к анестезии, сточил и снял коронку. Жалом бормашины прочистил дупло и задел окончание нерва.

– Ой, ой! – вскрикнула пациентка. – Больно, очень больно.

– Радоваться надо, а не стонать, – велел Дубняк. – Если больно, то значит, еще жива, здорова, как корова. Терпите, бог терпел и нам велел. Когда человек перестает ощущать боль, то это означает, что труп.

– Не говорите мне о трупе, я ужасно боюсь смерти, – взмолилась Лозинка.

Он удалил нерв и протер дупло стерильной ватой.

– Золотая коронка еще не готова, поэтому я удалил нерв, поставлю временную из полимерного материала, – сообщил стоматолог. – В том случае, если зуб начнет беспокоить, легче будет снять. А если все будет в порядке, в чем я не сомневаюсь, то через два-три дня поставлю постоянную золотую коронку. К тому моменту она будет изготовлена. Надо подстраховаться.

– Вам лучше знать, Семен Романович. Полностью доверяю, – улыбнулась Лозинка. Стоматолог подложил ей за щеку тампоны ваты, запломбировал дупло и надел полимерную коронку – Вот и все дела, а вы переживали. Попробуйте сделать прикус, – велел он. Женщина плотно свела верхний и нижний ряд блестящих зубов, из которых только штук десять были не натуральными в золотой обойме протезов.

– Ничего не мешает? – поинтересовался Дубняк.

– Нет, не мешает. Все в порядке, – промолвила Лозинка и не сдержалась, вплеснула обиду. – Семен Романович, какая вас муха укусила? Давеча нагрубили, не помогли в кресло сесть?

– Не обижайтесь, Элеонора Борисовна, мы ведь с вами не на посиделках, у меня каждая минута расписана, – смягчил он голос. – Не в моих правилах нарушать график, режим рабочего дня, заставлять очередного пациента ждать и волноваться. Иначе по другим стоматологам разбредутся, а я останусь на бобах, без работы и зарплаты. Это прежде у вра-

ча был твердый оклад, независимо от количества вылеченных, удаленных зубов или вставленных протезов. У частного-крохобора я на сдельщине. Если не выполнил план по доходам, то ложи зубы на полку. Хозяин укажет на дверь, выгонит взащей. Вот я и решил, чтобы не батрачить на барыгу, создать свою фирму.

– Так это ж эксплуатация, произвол! – посочувствовала пациентка и задумалась. – Семен Романович, коль такая ситуация, то я, пожалуй, подумаю над вашей просьбой, одолжу часть из моих скромных сбережений, но под расписку.

– Премного вам благодарен, – галантно склонил он голову и с лукавством подумал: «Разжалобил я тебя, старая кляча. Чего надумала, под расписку, чтобы потом меня по судам затаскать, не только материальный, но и моральный ущерб взыскать. Выкусишь, поздно прозрела. Я своих решений не меняю, отсчет времени пошел».

– Теперь я вижу, Элеонора Борисовна, что у вас щедрое сердце и ни черт, ни серый волк не страшен. Квартира ваша хоть прочно запирается? В городе участились кражи, особенно, после очередной амнистии. К уголовникам президент проявил милосердие, а о честных законопослушных гражданах не подумал. Выпустил на свободу уголовников, а надежной работой, жильем не обеспечил.

Даже люди с высшим образованием, первоклассные специалисты, не имея работы, вынуждены торговать на рынке. Вот и займутся бывшие зэки прежним промыслом, кражами,

грабежами, убийствами и изнасилованиями. Оно и понятно, в колониях и СИЗО сейчас тесно, яблоку негде упасть, туберкулез, другие болезни, бескормица, вот гарант к очередному дню независимости и преподнес им царский подарок – выпустил братву на вольные хлеба. Пусть мол, потрясут смирных граждан, добавят им адреналина в кровь.

– О-о, Господи, что делается! Год от года не легче, – вздохнула Лозинка. – Муж за два месяца до того, как преставиться, успел установить бронированную дверь с «глазком» и английскими замками. Теперь я себя чувствую, словно в неприступной крепости.

– Вот и прекрасно. Теперь и я за вашу безопасность спокоен. Прием и воды и пищи только через два часа. Потерпите, если будет зуд или тошнота, они быстро пройдут и вам станет намного легче.

Он помог ей. Опираясь на его руку, женщина поднялась с кресла. Как и в прошлый раз, раскрыла ридикюль и достала из кошелька несколько мелких купюр.

– Семен Романович, умоляю вас, возьмите за труд. Не будьте слишком скромным, иначе станете банкротом, и хозяин уволит с работы из-за отсутствия прибыли с таких пациентов, как я. За свою же доброту и пострадаете. Вы же знаете, я вам давеча об этом говорила, что не самая бедная на этой грешной земле. Сейчас бесплатных услуг не существует, даже в обычных больницах, куда я иногда все же захожу, существует масса различных благотворительных фон-

дов и коммерческих аптек. Обдирают, где только есть возможность, больных, как липку.

– Поэтому не хочу о ваших умных и проницательных глазах выглядеть таким же крохобором, – твердо заявил стоматолог, как умелый актер, изобразив не подвижном лице разочарование. – Не обижайте меня своей настойчивостью. Он мягко отвел в сторону ее дрожащую руку, с вросшим в сухую кожу, обручальным кольцом с огненно-алым рубином. Других золотых колец и перстней с самоцветами и серебряного гребня с оранжевым топазом, серег в мочках ушей не было. Значит, она последовала его совету и спрятала дома, чтобы не соблазнять грабителей.

– От всего сердца, – упрямо повторяя, настояла она. – Я не самая бедная, а вам за труд полагается...

– Нет, – проявил Дубняк непреклонность. – У меня такой принцип, пока работа не доведена до конца, денег с пациента не брать! Никаких авансов. А то, что вы сняли с себя часть украшений, даже очень одобряю. Теперь вы для грабителей, той же амнистированных голодных и дерзких зеков, не представляете большого интереса. Вот только обручальное кольцо может спровоцировать?

– Я дала Филиппу Савельевичу клятву, что после его кончины ни за кого замуж не выйду, – с гордостью заявила женщина. – Много было предложений от очень солидных и интересных вдовцов, но я остаюсь верной своей первой любви. Кольцо это первый и самый дорогой подарок от мужа. С ним

и уйду на тот свет к своему супругу.

– Преклоняюсь перед вами! – с пафосом произнес Семен Романович. – Но любви все возрасты покорны. Пока человек жив, у него остается потребность в любви и нежности. Я прошу, умоляю вас, не думайте о печальном. Никому не дано знать свой смертный час, иначе жизнь была бы неинтересной, запрограммированной, утратила бы свое естество и таинственность. Надо радоваться каждому мгновению жизни, пребыванию на этой земле, солнцу, цветам и птицам, их райскому пению... Ведь время и события, лучшие годы жизни необратимы, ничто и никогда не повториться.

– Вы размышляете, словно поэт или философ, – похвалила она. – Наверное, стихи сочиняете?

– Был такой грех на заре туманной юности, а сейчас нет времени на эти глупости и без меня рифмоплетов, хоть пруд пруди. Поэзия – для наивных романтиков, она неспособна человека прокормить. Я – прагматик, трезво смотрю на вещи, умею оценить материальные и духовные ценности.

– Семен Романович, а почему вы так печетесь о моей безопасности? – неожиданно спросила она, пристально взглянув на него некогда синими, а ныне поблекшими глазами. Стоматолог несколько стушевался, но быстро собрался с мыслями.

– Не только о вас, Элеонора Борисовна. Я всех своих пациенток и пациентов, независимо от возраста, но равнодушных к драгоценностям и роскоши, шубам, мехам, кожаным

изделиям, предупреждаю о том, что они рискуют стать объектами для нападения. Могут стать легкой добычей для грабителей, разбойников, ловких мошенников, устраивающих разные сомнительные лотереи, а точнее, наперстки и лохотроны.

Они паразитируют на азарте и жадности слишком наивных и доверчивых граждан. Это те же наперсточники, рэкетеры и прочие «народные умельцы», а также коммерческие банки и страховые агентства, обещающие большие проценты за вклады на депозитах, – ответил он, сохраняя спокойствие.

– Вы ведь читаете газеты, смотрите телепередачи, особенно выпуски «С места происшествия» на канале популярной телекомпании «Черноморская» и, наверняка, знаете, что участились случаи квартирных краж и грабежей, вымогательств и убийств на почве корысти, наживы любой ценой.

– Смотрю телевизор и газету читаю с большим интересом, – подтвердила она. – Так вот каждый из тех, кто пострадал, прежде был уверен, что это его не коснется, однако... – продолжил стоматолог. – Поэтому надо быть осмотрительной, не подвергать свою жизнь, а это самая великая ценность, опасности. Милиция, прокуратура постоянно предупреждают об этом. Но беда в том, что люди редко учатся на чужих ошибках, потому и попадают в неприятные ситуации. Впрочем, каждый человек поступает, как ему заблагорассудится, я никому и никогда не навязываю свое мнение. Но посчитал своим гражданским долгом, но это не означает,

что ему надо беспрекословно следовать советам, тем более что они бесплатны. Ваша подруга, Инесса Арнольдовна, наверное, бедствует? Я не видел на ней столько украшений, как у вас? Хотя конечно, бедность – не порок.

– Ха-ха, бедная? Нашли сиротинку? Она хитрая, богаче меня, только прикидывается убогой и несчастной. Умело маскируется. Ее покойный муженек Эдик Моисеевич, всю жизнь проработал завскладом промтоваров, а она директором универмага. Для них никогда, даже в советское время, дефицита не существовало.

Золотых ювелирных изделий, антиквариата, хрусталя, янтаря, старинных ваз и амфор, ковров натаскали полные хоромы. Она, как скупой рыцарь, поживает на богатстве. Померет и, неизвестно кому достанется, близких наследников у нее, как и у меня нет. Мы с ней как-то обсуждали этот вопрос и договорились оформить друг на друга дарственную. Кто останется дальше жить тому и достанется.

– Оформили документ? – Дубняк улыбнулся тепло и одобрительно, вызвав ответную симпатию Лозинки.

– Пока нет, немного поссорились. Она, извините меня за вульгарное слово, слишком хитрож...я, считает, что ей Бог больше жизни отпустит. Насмотрелась по телевизору ужасных историй, как мошенники вроде главного афериста Мавроди, честных людей обманывают. Наверное, решила надо мной провести эксперимент, надуть, как последнюю овцу. Но в ответ получила кукиш с маслом. Я не в лесу родилась,

знаю почему пуд соли и фунт изюма. В категорической форме потребовала, чтобы она первой оформила на меня завещание на квартиру и все имущество. Это ее очень обозлило, поняла, что ее хитрый номер не пройдет. В общем, на этой почве с ней поссорились. Ну, ничего я терпеливая, а Инесса – суетливая и вспыльчивая. Первая ко мне приползет, еще прощения попросит.

– Да, чаще побеждает тот, у кого сила воли крепче, – подтвердил Дубняк. – У вас, действительно, нордический характер.

– На этой почве мы часто спорим и ссоримся. Но взаимные завещания обязательно оформим, – заверила старушка. – Других вариантов и альтернативы просто не существует. Не оставлять же государству, этим алчным чиновникам-казнокрадам. Они и так со своей глупой перестройкой, суверенитетами и реформами, простой народ ограбили, на свои валютные счета криминальный капитал наложили. На их грязных долларах кровь и пот честных тружеников.

– Вы хорошо, тонко разбираетесь в политике и ситуации, – заметил стоматолог. – В стране, действительно, несколько мощных криминально-клановых групп, с гордостью величающих себя промышленно-финансовыми группами: донецкой, днепропетровской, закарпатской, представителями олигархии. Они фактически поделили между собой собственность и сферы влияния, всучив обманутым гражданам ничемные бумажки – ваучеры, превратив всех в нищих и обез-

доленных. А теперь «всенародно избранный» разводит руками: «И куда оно все сгнуло, газ, нефть и другие богатства?» Вешает лапшу на уши. А как еще при первом «гаранте» женщины вцепились мозолистыми руками в «кравчучки», так до сих пор и таскают их. С каждым годом все больше таких челноков становится. А на самом верху, по всей вертикали власти, каста неприкасаемых жирует и ворует и с них, как с гуся вода, все аферы и махинации сходят с рук. Что ни олигарх – считай мошенник, что ни бюрократ, то – казнокрад. Их подлые имена узнаем, как только сменится власть. Все тайное рано или поздно становится явным.

– Семен Романович, вы прирожденный оратор! Настоящий Цицерон! – с восхищением, с любовью поглядела на стоматолога Элеонора Борисовна. – Так складно, так убедительно и ярко говорите, что я заслушалась. Вам обязательно надо идти в депутаты или министры. Может, удастся в стране навести порядок и жуликов к рукам прибрать.

– А-а, Элеонора Борисовна, добрая душа, не стройте иллюзий, – вздохнул он. – Политика – это не моя стихия, там слишком много грязи, предательства, продажности и лукавства, ее можно с полным правом назвать одной из древнейших. Там нет надежных друзей, там лицедеи, как в театре, все построено на личных или корпоративных интересах. Большинство законов и решений они принимают под себя и свои коммерческие структуры, банки, фирмы, корпорации.

В мягких депутатских креслах одни лоббисты-аферисты.

А на митингах все бьют себя в грудь и кричат, что готовы жизнь положить на благо народа. Началась новая свистопляска, обещания прекрасной жизни льются как из рога изобилия, а едва получают мандат и рот на замок, электорат не нужен. Спасибо вам за комплимент, за оценку моего красноречия и ораторского мастерства, но в кабинетах и коридорах власти и подле них и без меня демагогов и прохвостов хватает. Я – скромный труженик медицины, у меня есть профессия, она меня и кормит. Без болезненных политических амбиций и претензий, живу честно и скромно.

– Я вами покорена, Семен Романович. Такой интеллект! Вам бы ученую степень доктора медицинских наук, звание профессора и на кафедру. Студенты бы вас на руках носили за прекрасную речь и превосходные лекции. Такая глубина мысли, потрясающая аналитика!

– С такой аналитикой, Элеонора Борисовна за свои политические убеждения рискуете получить лет семь-десять лишения свободы за посягательство на гаранта Конституции и государственный строй, – напустил Дубняк на себя серьезность. – Это я с вами предельно откровенен, потому что доверяю. Вы ведь меня не сдадите чекистам, хотя они по закону и лишены права заниматься политическим сыском, но делают это, выявляют неблагонадежных граждан по негласному приказу того же гаранта.

– Не сдам, кто бы меня не пытал. Вы разумный человек с широким кругозором, – заметила Лозинка. – Я охотно по-

следовала вашему совету. Сняла почти все драгоценности и спрятала их в шкатулку. Это моя валюта, она меня кормит. Есть правда еще антиквариат, бронзовые статуэтки, кубки, подсвечники, поделки из слоновой кости и малахита, бижутерия... Может и хватит достойно прожить остаток лет.

Чем ближе к закату, тем больше понимаешь, что не в золоте и в драгоценностях счастье, а в общении с добрыми людьми. Это самое великое благо на земле, ведь все мы, по сути, так одиноки. До конца не познав своих возможностей, уходим в лучший из миров. И другими людьми остаемся не познанные. В этом самый большой трагизм, самый загадочный парадокс жизни и смерти. А золото, богатства с собой в могилу не возьмешь, да и не нужны они на том свете.

Она замолчала, опустив голову, словно вдумываясь в суть только что произнесенных слов, пришедших к ней, якобы извне. Женщина их лишь старательно огласила.

– Не грустите, Элеонора Борисовна, не сокрушайтесь так, – пожалел он ее. – Будет праздник и на нашей улице. В течение трех-четырёх часов не вздумайте чистить зубы пастой или полоскать отварами календулы и коры дуба, иначе все мои труды насмарку. Вам придется снова терпеть боль и платить валюту.

– Семен Романович, у вас в сравнении с другими стоматологами дорогие услуги, – заметила пациентка.

– Зато я гарантирую высокое качество, до десяти и более лет, пока платина и золото не сотрутся, проблем не возник-

нет. К тем халтурщикам, которые сбивают цену, придется в год несколько раз наведаться, а в итоге ни зубов, ни денег.

– Да, пожалуй, вы правы. Недаром говорят, что скупой платит дважды, – согласилась она.

– Внушите эту мысль своим одиноким подругам-ровесницам, – попросил Дубняк. – Пусть поторопятся с визитом ко мне. Не доводят зубы до такого состояния, когда терпеть боль невозможно. Кстати, цены за услугу могут вырасти до европейских стандартов.

– Хорошо, Семен Романович, я их сагитирую. После беседы с вами на душе становится легче, как бальзам на раны, – призналась пациентка. – Не столько зубы врачуете, сколько душу. Иному батюшке-священнику до вас очень далеко.

– Вы мне льстите, – рассмеялся стоматолог. – Получается, что я только тем и занимаюсь, что заговариваю зубы?

– У вас это отлично получается, благодаря доброй карме и ауре, – в унисон его юмору ответила она.

– Тогда мое место на сцене театра сатиры или на манеже в цирке. Неплохая даже в обыденной жизни, перспектива. Знаю я одного такого деятеля, исполняющего роль циркача, у него даже кличка такая. Циркач и благодаря продажно-лукавому характеру преуспел по части политики и коммерции.

– Вы и здесь на своем месте, – заверила Лозинка и вдруг заторопилась.

– Ой, заговорила я вас, а там, наверное, в коридоре под дверью толчея. Вы ведь популярный стоматолог, не то, что

некоторые эскулапы. Не дай Бог попасть к ним в лапы, со света сведут. Бойтесь данайцев дары приносящих. Доброго вам здоровья на долгие лета.

– Вам тоже всех благ, – пожелал Дубняк, пресытившись ее комплиментами и любезностями и пообещал. – Я вам позвоню дня через два-три, когда будет готова новая коронка. Тогда назначу день и час приема. И смотрите моих конкурентов не ублажайте. Они плохо знают состояние вашего здоровья, организма и еще навредят. Сейчас только на словах почитают клятву Гиппократа, а на самом деле сплошь одержимые наживой. Не способны ни правильный диагноз установить, ни грамотный курс лечения назначить. Раньше времени вполне крепких людей на погост отправляют, и никто еще за врачебную ошибку или халатность по-настоящему не ответил, не понес заслуженное наказание. Все списывают на сердечную недостаточность или каменно-почечную болезнь.

– Кроме вас, Семен Романович, я не признаю других врачей, – произнесла она. – Для меня вы единственный авторитет, на вас единственном, свет клином сошелся.

– Благодарю вас премного, Элеонора Борисовна, очень тронут и польщен вашей похвалой, – галантно склонил он голову и слегка прикоснулся губами к ее, некогда холеной руке, с длинными тонкими пальцами и маникюром. Покоренная его аристократическими манерами, Лозинки с интригой заявила:

– Можете и меня поздравить.

– С чем? – удивился стоматолог.

– С гениальным открытием.

– Интересно, в чем его суть?

– После долгих рассуждений я пришла к выводу, что количество людей на Земле должно соответствовать количеству животных, чтобы после смерти души умерших могли переселиться в тела животных. Если животных окажется меньше, то окажутся заблудшие, бесприютные души, – выдала она нагора оригинальную гипотезу.

– Bravo, Элеонора Борисовна! – рассмеялся Дубняк. – Вам, любезная, светит, если не Нобелевская, то наверняка Шнобелевская, премия.

– В чем разница между ними?

– Первую присуждают за гениальные открытия, а вторую за глупые и абсурдные шизофренические идеи, – ответил он.

– Считаете меня выжившей из ума? – обиделась Лозинка

– Я – не психиатр, чтобы ставить диагноз, – уклонился стоматолог от прямого ответа. Прижимая к затянутой в корсаж груди черный ридикюль, она покинула кабинет. Выйдя в фойе, Лозинка оглядывалась на дверь, за которой еще несколько минут лилась задушевная беседа, вселившая в нее и оптимизм, и тревогу.

3. Первая жертва

Спустя двое суток после этого визита, ровно в 15.00, сгорая от нетерпения и неизвестности, Дубняк, запомнив наизубок номер телефона (листок с записью он сжег), позвонил Лозинке. Плотнo прижал трубку к раковине оттопыренного уха.

Длинные гудки. «Либо ее нет дома, либо она успела позвонить в «скорую помощь» и тогда, он даже побоялся предположить, что произойдет тогда, – испарина выступила на высоком благородном лбу стоматолога. – Тогда придется иметь дело со следственными органами, ведь она обязательно расскажет о посещении поликлиники и пломбировании зуба. Может, от волнения набрал не тот номер?» Он нажал на рычаг и тщательно закрутил диск аппарата. Опять томительное ожидание и когда терпение лопнуло, он готов был взвыть от злости и разбить трубку, слышался старчески-вялый голос:

– Ал-л-ле-е, слу-ша-ю.

Он поначалу даже не признал в нем ранее бодрый с интригой и кокетством голос Лозинки, но быстро сообразил, что его сила и интонация могли измениться.

– Элеонора Борисовна, это я ваш лечащий врач. Как вы себя чувствуете?

– Ой, ой, очень плохо, голова раскалывается, и сердце щемит... – простонала она. – Еще вчера была здоровой и вдруг не с того, ни с сего... Наверное, смертный час мой пришел, Инесса порчу, проклятие наслала... Прилегла и, словно бреду, слышу, телефон звонит. В первый раз подумала, что это во сне померещилось, а он на самом деле звонил. Может все от зуба пошло? Не надо было его раньше времени беспокоить.

– Зуб и коронка в порядке. У вас, наверное, инфекция, – предположил он. – Сейчас я мигом приеду, измерю давление, пульс, температуру, привезу лекарства, сделаю инъекцию, вам станет легче. Я сталкивался с такими ситуациями, знаю лучше всяких там докторов из той же «неотложки», как быстро и эффективно помощь больному. Чтобы вам лишний раз не напрягаться, не вставать с постели, вы, Элеонора Борисовна, приоткройте входную дверь.

– Может лучше «скорую» вызвать? Я уже собралась, да вы позвонили вовремя.

– Я сам, если потребуется, вызову, – похолодев от угрозы разоблачения, поспешно сказал стоматолог. – На мой вызов они приедут намного быстрее из уважения к своему коллеге.

– Да, конечно, все вас знают и уважают, – согласилась она.

– Примите цитрамон или баралгин, и станет легче, – посоветовал он. – Я уже выпила.

– В любом случае откройте входную дверь, – настаивал Семен Романович.

– Мне очень неудобно перед вами, в квартире беспорядок, я не успела прибраться, – затухающим голосом сообщила женщина. – Я не смогу вас угостить чаем из настоящего тульского самовара и с малиновым вареньем или кофе с пирожным.

«Вот, старая интеллигентка, светская дама, одной ногой уже в могиле, а за этикет цепляется. На хрен мне твой чай с малиной», – подумал он со злостью и чуть не выругался, с трудом сдерживая себя и сознавая, что гениальный план терпит фиаско. Через пятнадцать минут он прибыл к дому, поднялся на лифте на третий этаж к квартире Лозинки и нажал кнопку звонка. Услышал шаркающие шаги и потребовал. – Элеонора Борисовна, открывайте, это я – ваш доктор!

– Шас, Семен Романыч, щас... открою, не могу, не могу, – услышал он затухающий женский голос и в следующее мгновение глухой стук, рухнувшего тела, шуршание и хрип. Потом тишина, словно в склепе.

«Черт подери, нескольких секунд ей не хватило, чтобы открыть дверь. Так близка была цель и вдруг такой облом, – со злостью и досадой осознал он реальность. С трудом удержался, чтобы не ударить ногой стальную дверь и подумал. – Задача намного бы упростилась, если во время ее визитов в кабинет удалось из ридикюля изъять ключ от квартиры, незаметно сделать оттиск и возвратить ключ на место.

Ситуация может повториться, поэтому срочно необходим надежный помощник. Он мог бы в тот момент, когда я зани-

маюсь осмотром полости рта и лечением зубов пациентки, извлечь из сумочки, ридикюля или кармана верхней одежды старушки ключ, сделать слепок и все дела. Тогда бы не составило большого труда, даже в том случае, если бы издыхающая пациентка отказалась или не сумела открыть двери, проникнуть в ее жилище и произвести ревизию и изъятие валюты и ценностей. Срочно необходим помощник».

Огорченный первой неудачей, Дубняк быстро ретировался, чтобы не попасть на глаза жильцам дома.

«Все, вырубилась, яд сделал свое дело, – подумал он, возвратившись в свой кабинет. Сел за стол и обхватил ладонями голову, сосредоточившись на анализе ситуации. – Итак, старуха отошла в лучший из миров. Яд, хотя и замедленного, но сильного действия, поэтому шансов на спасение практически не было. Если бы часа на два раньше, то врачи-реаниматоры еще могли бы побороться со смертью, то тогда бы и мне была крышка. Хоть так обошлось, но без всякого для меня проку.

Задумано было гениально, а вот результат. Если бы не ее старческий маразм и упрямство. Смутилась, словно красна девица, стыдно ей гостя принять, в квартире беспорядок. Кому он теперь к черту нужен, будешь гнить, пока соседи запах не учуют и не забьют тревогу или эта подруга Оселедец не забеспокоится долгим молчанием.

Успела бы открыть дверь, и все получилось бы как надо. Приехал бы к ней на квартиру, изобразил бы трогательную

заботу, дождался летального исхода, хотя она уже, наверняка, была без сознания. Снял бы полимерную коронку, чтобы никаких улик, собрал бы в чемоданчик и сумку драгоценности со шкатулкой. Она ведь все с себя снимала, кое-что из антиквариата и потихоньку бы слинял. Золотые зубы и коронки снимать бы не стал, чтобы у следователя не возникло подозрений об убийстве с целью ограбления. Но все равно сочтут за естественную смерть, там более, что труп начнет разлагаться и у патологоанатома, у которого и без того работы непочатый край, люди мрут, как мухи, не возникнет желания ковыряться в ее чреве, выяснять причину смерти. В акте о смерти поставит типичный диагноз «сердечная недостаточность или почечнокаменная болезнь».

Но, увы, в квартиру без автогена не забраться, как только начнешь взламывать стальные двери, сразу найдутся свидетели и сообщат в милицию и получится так, что сам голову в петлю сунул. Этот вариант отпадает. Ох, поторопился я, поторопился. Надо было улучшить момент, отвлечь ее чем-нибудь, направить на флюорографию и выкрасть из ридикюля ключи, сделать слепок и вернуть, а для себя изготовить новые ключи, дубликат. Сейчас бы уже проводил в ее квартире ревизию.

Добыча обещала быть богатой, тысяч на пять–шесть долларов, если не больше. Так что игра стоила свеч. Досадно, рисковал, угробил старуху, а в результате лишь тревога, как бы сыщики не унюхали криминал. Если обойдется, то в сле-

дующий раз продумаю все до мелочей, чтобы иметь запасные варианты на случай провала. Мое счастье, что Лозинка не успела позвонить в «скорую медпомощь». Все-таки проявились интуиция, чутье на опасность».

Возвратившись в кабинет, Дубняк не мог успокоиться. Как загнанный в клетку дикий зверь, метался от одной стены к другой. На внешней стороне двери, чтобы не беспокоили, повесил табличку «Технический перерыв». В возбужденном неудачей сознании чередой возникали авантюрные планы по спасению, а точнее, изъятию сокровищ Лозинки, оставшихся вместе с трупом хозяйки за стальной, неприступной, словно броня, дверью.

«Как же преодолеть это препятствие? – вопрос острой зазубой застрял в его сознании. – Вскрыть дверь с помощью автогена или кувалды? Но это невозможно совершить без шума и стука, который всполошит соседей, а значит, операция заведомо обречена на провал. Благо квартира Лозинки находится на третьем этаже пятиэтажного здания сталинской постройки в тихом старом микрорайоне. В два-три часа ночи возьму с собой длинную и прочную веревку с «кошкой» на конце. Заброшу ее на балкон, выходящий из квартиры Эленоры, вскарабкаюсь на этот балкон.

А дальше дело техники. Аккуратно выставлю стекло в балконной двери или в окне и проникну в квартиру. Соберу валюту, драгоценности и через входную дверь оставлю жилище. Завладев ключом, за ночь можно будет совершить

несколько ходом, ведь добра у Лозинки, судя по ее признанию, полная чаша. Все еще поправимо, не все потеряно, – воспрянул духом стоматолог, осознавая всю сложность подобной операции. – С первого раза вряд ли без тренировки и сноровки удастся удачно забросить веревку с «кошкой» на балкон. Причем с гарантией, что она прочно зацепится и не оборвется, когда станет взбираться наверх.

Стук металлических когтей о бетон и перилла балкона среди ночи обязательно услышат соседи, живущие на первом, втором и четвертом этажах и тогда придется спасаться бегством. О попытке проникновения в жилище жильцы сообщат в милицию, да и доказательство, веревку с «кошкой», не просто будет унести с собой. В таком случае сыщики свяжут попытку ограбления со смертью Лозинки, усомнятся в ее естественности, проявят бдительность и при более тщательном расследовании обнаружат факт отравления. Этот вариант отпадает.

– Эх, невезуха-а! – почти взвыл он от досады. – Одной лишь минуты не хватило... Этот факт убеждает в том, что в одиночку повернуть дело не получится. Ведь придется периодически отлучаться в разгар рабочего дня, чтобы проникнуть в квартиру умирающей старухи. Эти отлучки не останутся незамеченными для Штуцера и других сотрудников. Поймут, что дело темное и донесут хозяину поликлиники, а тот весьма любопытный. Вдруг выследит и накроет меня с потрохами. Чтобы от себя отвести подозрение, сдаст

уголовному розыску. В любом случае, выставит за порог без выходного пособия.

Надо срочно искать помощника, который бы по моему сигналу проникал в квартиры умирающих пациенток и забирал валюту и драгоценности. Среди обычных мужиков такого не найти. А вот среди бывших уголовников есть шанс. Но каким способом? По понятным причинам, чтобы не «засветиться» объявление в газете и на телевидение не дашь. И на улице не спросишь у прохожего прямо в лоб, зек он или нет? Посчитают, что провокатор, агент спецслужбы. Придется ждать удобного случая».

Дубняк остановился посреди кабинета. Потер виски, в которых напряженно пульсировала кровь, и снова стал мерить площадь кабинета. Спустя несколько секунд, заметил, как дверь отворилась и в нее боком, как краб, просунулся дантист Штуцер, кабинет которого находился рядом.

– Семен, что случилось, что за крик? У меня в кабинете мебель ходуном ходит, стекло дребезжит, – заявил сосед, вперив в коллегу пристальный взгляд лукаво-насмешливых глаз. – Я грешным делом подумал, что ты кому-нибудь челюсть свернул или яйца защемил...

– Не паникуй, Аркаша, ноги затекли. Поэтому я занимаюсь производственной гимнастикой и тебе советую для пущей мобильности. А насчет яиц, то сам понимаешь, что среди моих пациенток все больше женщины, старушки, поэтому, если кому и защемлю яйца, то только тебе.

– Ну, прости, что помешал. Я ведь примчался на помощь, – виновато улыбнулся Штуцер и скрылся за дверью. «Так я тебе, проныра, и поверил, – усмехнулся Дубняк. – Примчался, чтобы пронюхать, везде свой горбатый нос суешь». Он продолжил шагать, обдумывая очередной вариант. «А что если подняться на крышу, а оттуда спуститься по веревку или рукаву на балкон? Но, во-первых, надо каким-то образом забраться на крышу, водосточные трубы проржавели, а пожарная лестница, частично демонтирована.

Во-вторых, чтобы совершить маневр со спуском, так же, как и с подъемом в первом варианте, надо обладать навыками альпиниста, скалолаза, иметь соответствующую оснастку, карабины. Я слишком тяжел на подъем, набрал вес от мало-подвижной работы. Может подыскать специалиста-ювелира по взлому дверей и замков?

Тогда придется делиться половиной добычи, да и быстро надежного партнера не найти. Операцию надо провести предстоящей ночью, но не позже очередной. Через пару суток труп начнет разлагаться, жильцы быстро нюхают и поймут, что с Лозинкой случилась беда. Эх, где тонко, там и рвется. Облом, полный облом. На этой почве и свихнуться недолго. Нервы расшатались, надо взять себя в руки, где наше не пропадало».

Дубняк подошел к стеклянному шкафчику, на полках которого находились медпрепараты, образцы протезов. В дальнем углу нащупал початую бутылку коньяка «Коктебель»,

которую держал для «полоскания зубов». Так он называл ритуал питья в антрактах между приемами пациентов. Прямо из горлышка выпил граммов сто и закусил плиткой черного шоколада. Опустился в кресло и через пять минут сбалансировал, привел в норму свое душевное состояние.

Вышел из кабинета снял табличку и пригласил пациентку. Осматривая полость ее рта и, не обнаружив достаточное количество золота и платины, потерял к ней интерес, а сознание вновь заполнилось мыслями о сокровищах, от которых его отделяла проклятая стальная дверь. Понял, душа не лежит к работе, инструменты не слушаются, валяются из рук. Он под предлогом того, что у нее воспалились десны, отпустил пациентку, назначив ей день и час приема.

После ее ухода запер двери изнутри. Достал бутылку с коньяком и для стимула интеллекта дернул еще сто граммов золотистого напитка. Сославшись на недомогание закончил смену раньше обычного.

Пребывая в своей квартире, не мог найти места, обдумывая варианты спасения сокровищ и осознавая, что операцию следует провести в предстоящую ночь, пока Лозинку не обнаружили, потом будет поздно.

В два часа после полуночи, Дубняк, пряча за полами джинсовой куртки короткую монтировку и молоток, подошел к дому, то, приближаясь, то отдаляясь от балкона квартиры усопшей.

Со стороны он был похож на жениха, правда, без цветов,

нетерпеливо поджидавшего свою возлюбленную. Стоматолог скользил беглым взглядом по затемненным квадратам окон, на две-три секунды задержал внимание на балконе Лозинки, и невольно содрогнулся. Белая простыня на бельевой веревке ему показалась саваном в черном, словно чрево проеме балкона. Простыня помешала бы ему точно метнуть «кошку».

Из светящегося окна угловой квартиры на пятом этаже звучала музыка, слышались голоса загулявшей допоздна публики. Кто-то вышел на балкон, высек огонек из зажигалки. Дубняк машинально прижался к стене. Опасаясь быть замеченным, он оглядывался по сторонам. Ему казалось, что за раскидистыми кленами, кустарниками сирени и шиповника, кто-то затаился и напряженно наблюдает за его действиями.

Войти в подъезд дома и по лестнице подняться на площадку перед дверью в квартиру Лозинки он не отважился. Отлично, но с горечью осознал, что для того, чтобы монтировкой сорвать стальную дверь с петель, надо обладать недюжинной силой. Разве что пару раз с отчаяния ударить в дверь, словно в колокол, молотком, всполошив жильцов дома и тем самым, выдать себя.

«Вот чертов адвокат, еще до смерти превратил квартиру в неприступную крепость. Была бы дверь из ДСП, обитая дерматином, как у многих простых граждан, то больших проблем бы не возникло. С «болгаркой» я бы быстро управил-

ся, проник в квартиру и забрал бы драгоценности и валюту. Так ведь на шум сбегутся жильцы дома. Вызовут милицию и повяжут с поличным на месте преступления, – с огорчением подумал Дубняк. – Нет, этот вариант совершенно не подходит. Иначе сразу загребут на нары. Вот и осталась его Лозинка в стальном гробу, напичканном драгоценностями».

Когда издалека донесся вой сирены. «Черт подери, если милицейский патруль остановит, то обязательно обнаружат фомку, «гусиную лапку» и молоток. Сразу решат, что вышел на промысел и с таким подозрительным арсеналом заметут в отделение. Попробуй тогда докажи, что не верблюд. Надо срочно рвать когти», – подумал Дубняк и, скрипя зубами, спешно покинул место несостоявшейся операции.

Семена Романовича утешала мысль, что у Элеоноры Борисовны не было родственников, которые бы настояли на вскрытии тела и выяснении причины гибели: «А так старушке было семьдесят четыре года, решат, что умерла от старости, другие и того меньше живут. Попугай Кеша сигнал бедствия подать не сможет. Будь то собака или кошка, то они бы, изголодавшись, напомнили бы о себе лаем и мяуканьем, а попугай, так игрушка. Вопрос еще в том, когда ее обнаружат?»

Долго церемониться не станут, отвезут в морг, а может сразу на кладбище, и зароят, а квартира и имущество перейдут в доход государства. Получается так, что я на государство, которое дерет с меня налоги, поработал, а оно меня за

это, если конечно следователь начнет копать, еще и посадит.
Никакой здоровой логики, абсурд и только».

4. Светский раут

Неожиданный диссонанс в смутно-выжидательное состояние Дубняка внес телефонный звонок от пациентки, месяц назад побывавшей у него на приеме пациентки.

– Слушая, – произнес стоматолог в тревожном ожидании, ибо каждый звонок невольно связывал с гибелью Лозинки.

– Добрый день, Семен Романович, приглашаю вас на светский раут, на юбилей? – прозвучал интригующе ласковый женский голос. У него отлегло от сердца.

– Душечка, будьте столь любезны, напомните о себе. Извините, у меня так много задушевных клиентов, что сознание не удерживает имена всех в памяти. Надо срочно покупать компьютер, – посетовал он. – Вот если бы я увидел вас визуально, то обязательно вспомнил бы.

– Как же так, Семен Романович, я о вас каждый день помню, а вы сразу – с глаз долой, из сердца – вон! – упрекнула она и назвалась. – Розалия Ефимовна Блинкина. Вам это о чем-нибудь говорит?

– Ах, душечка, госпожа Блинкина! Розочка, простите меня великодушно, – покаялся стоматолог.

– Не называйте меня Розой и Розочкой, – возразила она.

– Почему же, любезная? Какая разница, что в лоб, что по лбу? – удивился Дубняк.

– Во-первых, слишком созвучно с козочкой. Во-вторых, Роза – означает один цветок, а Розалия – много, как на плантации или в оранжерее. Там разнообразие роз, красных, белых, желтых, бордовых, пурпурных, и даже черных. В-третьих, сейчас модно называть девочек и женщин Розами, их развелось много, а Розалия – большая редкость. В этом мое отличие от всяких роз и мимоз...

– Логично, – согласился стоматолог.

– Я очень люблю посещать Никитский ботанический сад, что вблизи Ялты. В саду богатейшая коллекция роз, орхидей, ирисов, кактусов и других экзотических растений, в честь которых устраивают балы. Среди них я чувствую себя королевой роз, – продолжила она

– Теперь мне все ясно, Розалия Ефимовна, – польстил стоматолог. – И сколько вам, драгоценная душечка, годков стукнуло?

– Женщине неприлично задавать такой вопрос. К тому же, вы заполняли мои паспортные данные в анкету или в медицинскую карточку, – напомнила старушка.

– Извините еще раз. Очень разволновался, ваш ангельский голосок действует на меня магически. А где вы собираетесь отмечать юбилей?

– У себя дома. Оцените мои кулинарные шедевры. Будет черная и красная икра, осетрина, омары, печень трески, кальмары и другие деликатесы. На десерт торт «Черный принц» и сюрприз, на который только способна щедрая на

ласки женщина. Люблю домашний уют. Устала от ресторанов, кафе, шумных застолий с пьяными и вульгарными мужиками и бабами. Вокруг чужие наглые и завистливые глаза, официанты, вымогающие чаевые. По этой причине я с последним мужем, а он у меня был пятый, значит, клятый, я разошлась. Он не просыхал в окружении светских львиц, которые его доили, выманивая валюту и драгоценности.

– Розочка, ой, извините, Розалия Ефимовна, кто еще будет на званом ужине?

– Только мы с вами, как говорится, в камерной, интимной обстановке. Не бойтесь, у меня к вам исключительно материнские чувства, которые мне, увы, так и не удалось испытать по причине бездетности. Где только не лечилась, пока ворожея Фая не сообщила, что на мне лежит родовое проклятие, печать безбрачия.

– Искренне вам сочувствую. Не отчаивайтесь, еще не вечер.

– На подарки не тратьтесь. У меня всего в достатке.

– Негоже перед такой очаровательной дамой появляться с пустыми руками. Я же не Альфонс, не халявщик, как Леня Голубков из МММ, – возразил он и обрадовался, размышляя: «Это приглашение очень кстати. Еще во время первого ее посещения по ювелирным изделиям и золотым коронкам определил, что весьма состоятельная особа. Для своих семидесяти лет бодрая женщина. Сама судьба предоставляет мне шанс компенсировать потери от нелепой неудачи с Ло-

зинкой».

– Семен Романович, я не услышала ответ. Вы приняли мое приглашение или хотите огорчить одинокую женщину?

– Обязательно буду, спасибо за приглашение. В который час randevу?

– В 19. 00, не опаздывайте. Условный знак – три коротких звонка.

– Буду, как штык!

– Благодарю, – промолвила она. «С Лозинкой произошел облом, а с этой мадам есть шанс оказаться в дамках. Только бы все получилось. С Розочки, наверное, и следовало начинать, но к моменту ее первого визита у меня еще не созрел гениальный план».

За пять минут до назначенного времени он с букетом белых роз и хрустальной вазой в пакете подошел к двери квартиры Блинкиной, трижды нажал на кнопку звонка.

Тяжелая стальная дверь легко отворилась и перед взором Дубняка предстала среднего роста элегантная дама с удлиненным овалом лица, крючковатым носом, глазами навыкате и бородавкой на подбородке.

Пинцетом были прорежены брови, ставшие тонкими и дугообразными, подведены черной краской для сокрытия седины. На тонкой шее повязан шарфик розового цвета. На полубнаженных плечах белая с кружевным воротничком кофточка, Юбка едва прикрывала колени ног в черных ажурных колготках. На голове парик с сиреневой копной.

– О-о, вы само великолепие! Выглядите на шестьдесят, нет, на пятьдесят лет! – вырвалось из груди стоматолога, не ожидавшего такой трансформации старушки в стильную даму. – Даже не ведаю, к какой группе женщин вас отнести? Знаю, что белокурые и светлые – блондинки, черноволосые – брюнетки, с каштанового цвета прядями – шатенки. А у вас необычный, перламутровый цвет кудряшек. Может, назвать вас перламутровой? Красиво и забавно.

– Никаких перламуток. Я от рождения жгучая брюнетка, – заявила Розалия. – Приходиться постоянно менять цвет волос, потому что проклятая седина проявляется на темном фоне. А пурпурный и медно-рыжий цвета очень молодят. Рыжий цвет не признаю, потому, что во мне сразу же узнают еврейку. В общем, экспериментирую с разными цветами и модными прическами.

– Разумно для конспирации, – одобрил Дубняк, а сам подумал: «Доиграешься, пока не облысеешь и станешь экспонатом для анатомического музея».

– Семен Романович, знакомьтесь, это моя любимица Маша, ей три годика стукнуло, – указала на белошерстную болонку с потешной мордочкой и сверкающими глазами-бусинками, выбежавшую на звук электрозвонка. Она залилась лаем, норовя уцепиться зубами за край штанины гостя. В другой ситуации он ударил бы назойливую собаку ногой, но сейчас лишь посетовал.

– Вот те сюрприз, облаяла, словно Моська слона, знать она

сильна, – вспомнил он строчку из басни Крылова.

– Не бойтесь, так она приветствует гостей и одновременно выслуживается передо мной. Мол, защищает. А сама трусливая, безобидная и ручная, как белка. Вы очень скоро подружитесь, – завершила хозяйка.

– Знал бы, что у вас водится такое прелестное создание, то обязательно купил бы вашей Масюне собачий корм. В следующий раз ждите меня с гостинцем. А пока подарки виновнице торжества.

– Импортный корм, черную и красную икру, курятину и бульон она очень обожает. У нее такой же гастрономический вкус, как и у меня. Оба – искушенные гурманы, – призналась Розалия Ефимовна. – Я на собственном опыте убедилась в том, что домашние животные копируют характер хозяев. Маша – мое утешение, живая душа, собеседница в часы одиночества. Приласкается, подаст голосок и мне легче.

Дубняк поцеловал ее руку, заметив, что почти все пальцы унизаны перстнями и кольцами, и подал цветы.

– О-о, мои любимые цветы, какая прелесть! – восхитилась она, принимая из его рук букет белых роз. Поднесла к лицу и, кокетливо улыбаясь, спросила. – Как вы догадались, что это мои любимые цветы?

– Легко, ведь вас зовут. Розалией, – он галантно поцеловал ей руку.

– Да, я обожаю розы. И с белым цветом не промахнулись. Тонкий аромат, богатая гамма красок. Мне также нравятся

пурпурные, бордовые, желтые, алые и красные. А вот черную розу, слышала, что селекционеры вырастили и синюю, не приемлю.

– Понятно, черная роза – эмблема печали, а голубая – признак нетрадиционной сексуальной ориентации, – усмехнулся гость. – Белые особенно востребованы, ведь это цвет чистоты, нежности. Каждая женщина, сколько бы ей не исполнилось лет, мечтает о новой любви с белого листа, а точнее, с белой розы.

– Какой вы тонкий психолог, искусный сердцеед.

– Не удивительно, ведь женщина – самая прекрасная и интересная книга, чтение которой никогда не наскучит, ибо доставляет гамму ярких чувств и наслаждений.

– Вы – поэт. Так красиво, изящно излагаете свои мысли, – она вытянула тонкие губы дудочкой и нацелилась в его губы, но Дубняк к ее огорчению подставил щеку.

– Спасибо за комплемент и цветы, – поблагодарила юбилярша и жестом пригласила в зал. Дубняк остановился на пороге и увидел за богато накрытым с красивой сервировкой столом женщину с рыжевато-медными прядями волос. Черты лица грубые, словно высеченные из глыбы гранита, горбатый нос, черные усики над верхней губой и тяжелый подбородок.

– Розалия Ефимовна, что еще за кукла (хотел сказать мартышка)?! Вы же говорили, что будете одни? – упрекнул он.

– Не удивляйтесь, не расстраивайтесь, Семен Романович.

Это моя закадычная подруга Клавочка Ивановна Рябоконь, – пояснила хозяйка. – Она в последний момент напросилась в гости, поэтому считайте это приятным сюрпризом. Ей очень захотелось познакомиться с великолепным дантистом. Не могла же я ей отказать. Вы не огорчайтесь, она особа интеллигентная, долго не задержится, создаст нам идеальные условия.

«Рябой конь? Вот уж действительно, конь с яйцами, точнее, кобыла», – подумал он, глядя на ее мужеподобный облик с медно-рыжеволосой прической, плоским монголоидного типа лицом с широко расставленными глазами и носом-картошкой, с выпирающими из челюстей зубами. Когда она улыбалась, то это было похоже на то, что хочет кого-то укусить. Клавдия почему-то не обиделась на слово «кукла»?

– Вы что же, господин хороший, хотели, сразу с Розалией шуры-муры и в теплую постельку? Так не годится, должна быть прелюдия, процесс ухаживания и обольщения, – уязвила его Рябоконь. – Имейте в виду, руки не слишком распускайте, она женщина строгих правил. А куклами и матрешками называйте своих любовниц, а не почтенных и благородных дам.

– Розалия, кого ты пригласила, с кем якшаешься? – сурово произнесла Клавдия, собираясь оставить их.

– Клавочка, не обижайся, он золотой, очень полезный человек. Работа у него тонкая и нервная, но очень, очень полезная. Нам зубы вставит, а слово обронил случайно, – всту-

пилась Блинкина за стоматолога. Дубняк и сам, решив смягчить ситуацию, вкрадчиво попросил:

– Любезная Клавдия Ивановна, простите великодушно. В моем понимании кукла – безобидное, хрупкое создание. Вам должно быть известно, что Чехов свою Ольгу Книппер в письмах ласково называл собачкой, актриса искренне этому умилялась.

– Мы с вами не любовники, чтобы снисходить до интимных отношений между писателем и актрисой, – строго пресекала она. – Не примазываетесь к чужой славе.

– Виноват, больше не буду, – он послушно склонил голову и с огорчением подумал: «Похоже, и этот план пойдет коту под хвост. Рассчитывал, что со старухой останусь наедине, а тут тебе свидетель, причем с гонором. Глупо идти у баб на поводу, устраивать вечеринки-гулянки на виду у потенциальных свидетелей, готовых в случае следствия затянуть петлю на моей шее. Надо действовать тихо, издалека, незаметно и через посредника, которого в самый опасный момент можно кинуть, подставить, а самому слинять за кордон. Все больше никаких походов ни к Блинкиной, ни к другим «божьем одуванчикам». Пусть они для утех ищут себе таких же трухлявых пней. Только на цветы потратился».

– Клавдия Ивановна, я принимаю пациентов только в зубопротезном кабинете и в рабочее время, но для вас готов сделать исключение.

– Ради Бога, какие наши годы, – с иронией, будто делает

ему одолжение, промолвила гостья.

– Хотя дареному коню в зубы не смотрят, но в качестве профилактической меры сейчас же, пока не приступили к трапезе, осмотрю ваши драгоценные зубки, – предложил стоматолог, резонно полагая, что редко кто откажется от бесплатной услуги.

– Клава, соглашайся, у Семена Романовича золотые, волшебные рученьки, – поддержала Розалия. – Я же тебе не один раз предлагала побывать у него на приеме...

– Для меня самым лучшим стоматологом был и останется до конца моих дней Наум Абрамович Зубрицкий, царство ему небесное, преставился полгода назад. Прекрасный специалист, щедрой, бескорыстной души человек. Хотя и было ему за восемьдесят, но продолжал работать, почитай на боевом посту скончался. Таким, как он, надо давать ордена, еще при жизни ставить памятники, – Рябоконь перекрестилась. – Я дала себе зарок, что ни к кому за помощью по поводу зубов не обращаться. Не хочу угодить в лапы к диким эскулапам, которые в стоматологии ни в зуб ногой.

– Складно сказано, – усмехнулся Дубняк и подумал: «Нашла праведника. Хитрый и алчный Наум Абрамович обдирал доверчивых пациентов, как липку. Принимал для изготовления протезов и коронок золото высшей пробы, а ставил самой низкой, объясняя, что мягкое золото быстро стирается, а со сплавом твердое, как сталь. Пациенты слепо верили, что стали обладателями золотых зубов, а по сути, носили во

рту «булат» или олово вместо платины. Ох, и погрел на них свои загребущие клешни и щупальца Зубрицкий. Вот с кого мне следовало с самого начала брать пример. Сейчас бы не страдал из-за острого дефицита средств, имел бы свой бизнес».

Проявив благоразумие, он не стал переубеждать Рябоконь в ее наивном заблуждении по поводу щедрости обожаемого ею Наума Абрамовича, а уверенно произнес:

– Клавдия Ивановна, покажите мне свои драгоценные зубки.

– Хорошо, – после притворного сомнения согласилась она и открыла обозначенный губной помадой вишневого цвета рот. Дубняк оглядел ее зев с рядом крупных зубов, протезов и подумал: «С такими зубами место на конюшне». Однако вынес вердикт:

– Наум Абрамович в своем репертуаре.

– В каком еще репертуаре? Он ведь не певец, не солист театра или эстрады? – насторожилась женщина.

– От певцов и солистов, даже выступающих под «фанеру», меньше вреда, чем от ушлого стоматолога, – заметил он. – А репертуар понятен. Он изготовил протезы и коронки из дешевого турецкого золота. Три коронки основательно стерлись и требуют срочной замены.

– Почему из турецкого, а не настоящего, советского?

– Это вы у него спросите при встрече.

– На изготовление протезов и коронок я пожертвовала зо-

лотым браслетом, фамильной реликвией, – сообщила она с обидой в голосе. – Неужели надул, подменил халтурой?

– Надул, надул, как резиновую куклу. Это вам подтвердит любой стоматолог, ювелир или дантист. И на будущее, душечка, мой вам совет – не сотвори себе кумира. Это универсальный девиз на все времена и случаи жизни. Рекомендую: крупные, как лошади, зубы поменять на аккуратные жемчужно-белые импланты немецкой технологии. Тогда вы всех порадуете белоснежной улыбкой, женихи снопами падут у ваших прелестных ног.

– В кобелях не нуждаюсь, – резко оборвала Рябокось.

– Зачем же так грубо? – упрекнул Дубняк.

– С мужиками по-другому нельзя, иначе сразу с ногами заберетесь на шею, – парировала она. Стоматолог с досадой подумал: «По внешним признакам видно, что фригидная баба, невозможно обольстить и соблазнить. Разве, что с использованием гормональных биостимуляторов».

– Не перед кем мне зубы скалить и бисер метать, – продолжила мадам. – Я не страдаю по поводу больших зубов. Чем родители наградили, тому и рада. Зубы меня вполне устраивают, крепкие, здоровые. Яблоки, груши, морковь, грецкие и лесные орехи щелкаю, как белка, без проблем. Считаю, что зубы даны человеку не для красоты, а для переработки пищи, особенно грубой...

– Да, это их главная функция, но и красота, эстетика для самочувствия, тонуса человека очень важны, – акцентировал

Семен Романович. – Конечно, это ваше право менять натуральные зубы на импланты, но от образования камней, кариеса их надо срочно избавить. Приглашаю вас к себе в кабинет, но после Розалии Ефимовны, она первая в очереди. В честь юбилея обещаю обслужить бесплатно. Если проигнорируете приглашение, то через неделю, возможно, раньше будете мучиться от боли.

– Клава у нас провидица, почитай, наследница знаменитой болгарской бабки Ванги, способна предсказать судьбу, – сообщила Блинкина. – Подайте ей руку и по линиям на ладони она определит, что вас ждет в этом году?

– Не верю гадалкам-шарлатанкам, – усмехнулся гость. Однако любопытство возымело действие, он подал правую руку.

– Рябоконец внимательно взгляделась и сообщила:

– Скоро станешь богатым, но ненадолго.

– Здравствуйте, я ваша тетя! Очень вы меня порадовали, – упрекнул он. – Запугивать, огорчать и я умею. Большого ума не надо. Эх, сколько тунеядцев, мошенников, аферистов, разных шарлатанов: экстрасенсов, астрологов, знахарей, ясновидящих, древних бабок и дедов расплодилось в стране. В советское время всех заставляли трудиться на стройках народного хозяйства, а нынче бардак. Грабят, насилюют и, как с гуся вода.

– Семен Романович, вы совершенно правы. Все же разрешите на прием прийти с Масей? – попросила вдова – Хочу,

чтобы проверили ее зубки. Если потребуется, то не пожалеею золота на коронки и протезы.

– Ценю вашу любовь и заботу о братьях наших меньших, но я работаю, причем по найму, не в ветлечебнице, а в стоматологии, – напомнил он. – Как только хозяин узнает, что практикую лечение и протезирование собак, кошек, то выгонит к чертовой матери за порог.

– Простите, но может, вы еще раз заглянете ко мне на «огонек» и обследуете Машю?

– Правильный выход, так и сделаем. А пока, Розалия Ефимовна, будьте добры, дайте Клавдии Ивановне ручку и листок бумаги, пусть занесет свои анкетные данные, обязательно серию и номер паспорта, домашний адрес и телефон.

Блинкина охотно исполнила просьбу и Рябокось, раздосадованная мошенничеством Зубрицкого, словно в отместку усопшему, записала свои данные и передала стоматологу.

– Теперь полный порядок, заведу на вас карточку, – с оптимизмом заявил он, присаживаясь к праздничному столу. Клавдия, после того, как он искусно поверг ее кумира, заметно подобрела к гостю.

– Дорогая Розалия Ефимовна, долгие вам лета. Счастья, любви, которой все возрасты покорны, и благополучия. Что касается ваших драгоценных зубок, то уверяю и гарантирую, что после моего прикосновения им износа не будет. Это вам не турецкое, а настоящее золото с чарующим блеском! Многие лета и пейте до дна! – с пафосом выдал он тост на-гора.

– Bravo, Семен Романович, вы прирожденный оратор, прекрасный тамада! – захолопала в ладоши Блинкина. Дружно сдвинули хрустальные фужеры: дамы – с искрящимся шампанским Мускатное, а он – с коньяком «Шабо». Выпили и заработали вилками, ложками и ножами, разрушая красоту и гармонию сервировки. Слегка насытились.

– Розалия, подружка моя закадычная, – поднялась с кресла с бокалом шампанского Рябоконь. – От всего сердца дарю тебе древнеегипетский амулет от порчи, проклятий и других несчастий. Храни тебя, Господь.

Она сочно, по-мужски взасос, поцеловала юбиляршу в губы. «Ширпотреб из керамики на серебряной цепочке», – определил Семен Романович.

– Спасибо, Клабочка, теперь у меня амулетов, талисманов от всяких несчастий целая куча. На сто, на двести лет жизни хватит! – возликовала Блинкина.

– Ты его не прячь, а сейчас же надень на шею, – велела подруга и юбилярша последовала ее совету. Между тем болонка, сидя на коленях хозяйки, бесцеремонно ела с тарелки котлеты, отбивные, слизывала языком подливу. Дубняк безгласно поморщился, это не ускользнуло от взгляда Розы.

– Семен Романович, пусть вас не шокирует, не удивляет. Маша – член моей маленькой, но дружной семьи.

– Все-таки, она собака, подверженная скоплениям паразитов, блох, разных инфекций...

– Машюня – очень чистоплотная. Каждую неделю купаю

ее в ванне, по утрам умываю и зубки чищу бленд-а-медом., – сообщила юбилярша. «Черт подери, если кто узнает, что я с собакой трапезничал за одним столом, то засмеют, – подумал стоматолог и решил. – В этот дом я больше не ходок».

Проницательная Розалия Ефимовна, будто сканировала его мысли. Чтобы не огорчать гостя, она чмокнула Масю в розовый носик, бережно сняла с колен на ковер:

– Иди, милая, погуляй. Дядя Сеня к твоему поведению еще не привык. Но скоро он сам будет приглашать тебя за стол.

– Долго ждать придется, – возразил стоматолог. – Как медик, не рекомендую близкие контакты с животными, пресмыкающимися и пернатыми. Они являются разносчиками заразных болезней, в том числе бешенства.

– Эх, Семен Романович, как говорят в народе, чему быть, того не миновать. Зараза к заразе не пристанет, – заявила она и, загадочно глядя в глаза Дубняку, перевела разговор на диаметрально противоположную тему. – Я убеждена, что потребность организма, особенно женского, в сексе, такая же, как в воздухе, воле, пище. Поэтому, чтобы не возникло неврозов, раздражительности, подавленного состояния, тонус всегда был высоким, необходимо периодически удовлетворять свою плоть, не перечить основному инстинкту.

В ожидании реакции обвела гостей ликующим взглядом. Рябоконец, как каменная статуя, не проявила никаких эмоций, и стоматолог вынужден был реагировать.

– О, Розалия Ефимовна, не знал, что вы страстная фанатка знаменитой революционерки Александры Коллонтай! – восхитился он. – Она пропагандировала свободную любовь, сравнивала секс со стаканом воды, утоляющей жажду.

– Причем здесь Коллонтай? Знать ее не желаю, – возразила Блинкина. – Я давно постигла эту аксиому, абсолютную истину на основе собственных ощущений и потребностей.

– В таком случае, считайте себя первооткрывателем, Колумбом в юбке. Bravo! – Семен Романович захлопал в ладоши.

– Не иронизируйте, – обиделась она. – Уверена, что мое мнение разделяет любая нормальная женщина, ибо она по своей природе самка. В этом нет ничего предосудительного и унижительного. Когда женщина и мужчина остаются наедине, то у них невольно возникает желание глубже познать друг друга, испытать наслаждение. Сама природа их сближает для продолжения рода человеческого.

– Вы слишком откровенно рассуждаете о сфере интимных, пикантных отношений, – заметил Дубняк.

– Что скрывать? Мы не наивные школьники, для нас нет тайн и запретных тем, —отозвалась Блинкина и апеллировала к подруге. – Ничто человеческое нам не чуждо, не так ли, Клава?

– Да, не чуждо, пока сердце стучит и кровь бурлит, – нехотя отозвалась Рябоконева, отлично осознающая, что Розалия пригласила мужчину для заветной цели, а ее, как свидетеля

их общения на всякий пожарный случай.

«Мадам явно сексуально озабоченная, – подумал стоматолог. – Вместо того, чтобы вести беседу об искусстве, погоде, старческих болезнях, ценах на рынке и в аптеках, она акцентировала внимание на половых отношениях. Наверняка, после ухода подруги станет соблазнять. Надо избежать искушения. Старуха для любовных утех старовата. Сердце может не выдержать нагрузки».

– Что-то вы, друзья, загрустили, не вижу блеска в глазах! – пожурив гостей хозяйка и с азартом предложила. – Давайте лучше выпьем, а потом потанцуем. Сидим, как на поминках? Уверяю, что это не последний юбилей, не дождетесь! Отметчу 75, 80, 90, а может и 100 лет, как матушка британской королевы Елизаветы 11, – с пафосом заявила Розалия.

– Многие вам лета, дорогая Розалия – королева всех цветов! – пожелал Дубняк.

– Будь здорова, как корова! – промолвила Рябоконь.

– Корова? – опешила юбилярша. – Соображай, с кем ты меня сравнила?

– Не обижайся, это для рифмы, – усмехнулась Клава. – К тому же корова очень полезное животное. В Индии ее считают священной...

– А у нас коровами называют толстых баб. Я – стройная и изящная к ним не отношусь. Впредь, когда будешь объявлять тосты, имей это в виду.

– Учту, – мрачно отозвалась подруга.

– Выпили, закусили, пора взбодриться, ручками похлопать, ножками пошевелить, бедрами покрутить, – поднимаюсь из-за стола, бодро приказала Блинкина.

Она резво подошла к встроенному в нишу мебельной стенки музыкальному центру, нажала на кнопку и зазвучала мелодия медленного славянского танго.

– Белый танец, – объявила юбилярша и, боясь, что подруга ее опередит, подала руку Дубняку. Он последовал за ней на середину гостиной. Правой рукой обнял за талию, а она положила руки с пальцами, унизанными перстнями с самоцветами, кольцами на его плечи. Наклонившись к уху, ангельски прошептала:

– Семен Романович, Сенечка, если бы вы знали, как я вам благодарна, что не отказали в этой радости приятного общения. Вы – мой рыцарь на белом коне, мой верный ангел-хранитель.

– Розалия, душечка, вы преувеличиваете. Я – земное, двуногое, а не небесное, создание. Рядовой зубодер, почитай, пахарь, который едва сводит концы с концами.

– Сенечка, не лукавьте, меня не проведешь, многое на своем веку повидала. Я знаю, что стоматологи, дантисты, артисты, ювелиры, банкиры живут, как у Бога за пазухой. Но постоянно, как евреи, жалуются на тяжелую жизнь, дефицит денег.

– Вашими молитвами, увы, я не – иудей, но для меня большая честь разделить с вами этот праздник – день рождения.

Она в знак благодарности плотно прижалась к нему бедрами, грудью и прикоснулась губами к щеке. Он ощутил запах французских духов, дрожь, трепет ее тщедушного, как у мумии, тела.

«Не хватало мне еще этих любезностей. Старушка, наверное, вспомнила свою шальную молодость, ведь только официально поменяла семерых мужей, а сколько в ее постели побывало неофициальных «гладиаторов»? Нет, со старыми, маразматическими бабами лучше не связываться. На почве страсти и ревности закатит скандал и ославит на весь город. Да и то сказать, точно знаменитый психоаналитик Фрейд подметил, то пока человек испытывает сексуальное влечение и потребность, он живет. Явно флиртует, стремиться возбудить, зажечь меня своими старческими прелестями и чарами».

Ему показалось, что танго слишком медленное и длинное и дабы нарушить тягостную паузу, посетовал:

– В нашей компании некомплект, не достает еще одного мужчины для Рябоконь. Клавдия Ивановна вынуждена скучать. Впрочем, выход есть. Давайте станцуем твист, ламбаду или шейк. Если не ошибаюсь, то это танцы высшей молодости и зрелости?

– Не ошибаетесь. Твиста и шейка нет, а вот ламбаду с удовольствием, – промолвила Блинкина, и едва отзвучало танго, как она извлекла из музыкального центра некогда популярную латиноамериканскую ламбаду.

Если Розалия сохранила сухопарую с заметными контурами гитары фигуру, то Рябоконец на слоновых ногах наполнила тумбу для театральные афиш. Дубняку было потешно наблюдать, как, не попадая в такт музыки, Клавдия Ивановна дрыгала ногами, с трудом отрывая их от паркета. От напряжения ее лицо пылало, как факел, ноздри со свистом втягивали воздух. Зато хозяйка порхала мотыльком.

Семен Романович, плотно сжав зубы, сдерживал себя от норовящего выплеснуться наружу смеха. Испытывая физическую нагрузку, старушки изображали веселость и о старости не обронили ни единого слова.

После провозглашения нескольких тостов в честь юбилярши, а пили шампанское и коньяк, Рябоконец, загадочно улыбаясь, подмигивая Блинкиной, произнесла:

– Пора и честь знать. Оставляю вас молодых, желаю приятного общения, сладких сновидений. Розалия, очень одобряю твой выбор, но не слишком увлекайтесь, будьте счастливы! Совет да любовь!

5. Розалия без шипов

Когда Клавдия ушла, Дубняк внимательно поглядел на юбиляршу. Ей показалось, что с вождением. Старушка охотно провела его по четырехкомнатной квартире, богато обставленной импортной мебелью, коврами, паласами, сервизами, радио и бытовой техникой. Он сделал для себя вывод, что вдова директора завода марочных вин и коньяков довольно состоятельная особа. Кроме драгоценностей, антиквариата и валюты, наверняка, владеет коллекцией этих напитков.

– День рождения, грустный праздник, – пропела Розалия, вспомнив мотив популярной песни. – Эх, Сенечка, где вы были лет пятнадцать, двадцать назад, когда я блистала в высшем обществе. Лучшие кавалеры за мною, почитай до шестидесяти лет табуном носились, почитали за великое счастье переспать, но я знала себе цену, держала их на голодном пайке.

В отличие от дурнушек я знала, откуда дети берутся, предохранялась, ела лимоны и другие цитрусы, кислые фрукты и ягоды. Когда случайно залетала, то делала аборт. Был шанс стать матерью-героиней, но не судьба. И вы могли бы оказаться претендентом на руку и сердце красавицы.

– В мою сторону вы бы тогда и не взглянули.

– Возможно, возможно, ведь тогда, как сейчас принято говорить, я была настоящей звездой, светской львицей, бабники вокруг меня мотыльками кружились. С радостью принимали в кабинетах власти, с большими начальниками дружила. С моей легкой руки и от щедрого сердца многие сделали карьеру...

– О-о, значит Григорий Распутин, этот царедворец и женский сердцеед, по части протекции вам и в подметки не годится?

– Чур, меня, чур, меня! Нашел с кем, с диким мужиком, шарлатаном сравнивать, – обидевшись, перекрестилась она.

– Григорий Ефимович – легендарная личность, вошел в историю Российской империи. Нам с вами такая слава и близко не светит. Он был вхож во дворец императора Николая II и его супруги Александры Федоровны, лечил страдающего гемофелией царевича Алексея. Активно влиял на политику, кадровые решения императора. С ним советовались при назначении премьер-министра, министров, генерал-губернаторов. Правда, закончил божка трагически, отравили и убили, сбросив в прорубь под лед. Царевна потом долго его оплакивала.

– Не хочу слушать, что было быльем поросло и нам от того ни холодно, ни жарко. К черту Гришку с его распутством! Я прочитала роман Валентина Пикуля «Нечистая сила» и ужаснулась, столько дикий мужик прекрасных дам испортил, – Блинкина прикрыла ладонями раковины ушей с

золотыми серьгами.

– Они не возражали, даже этим гордились, – заметил гость, а хозяйка продолжила в своем репертуаре.

– Ты, Сенечка, с моей помощью тоже мог бы, словно сокол ясный, высоко взлететь, стать министром здравоохранения или главным стоматологом республики, деньги бы загребал большой лопатой. Но, увы, поезд ушел. Одни из старых покровителей оказались не у дел, как принято говорить, отставной козы барабанщиками.

Вторые – приказали долго жить, преставились, царство им небесное, третьи – мигрировали в дальнее зарубежье, в основном в Израиль, США, Италию и Францию. Третьи одряхлели, превратились в импотентов, ни виагра, ни импаза, ни корень женьшеня им не помогают, поэтому я потеряла к ним интерес. Эх, остались в прошлом мои золотые годы, а как хочется снова испытать блаженство от страстного, неутомимого мужчины.

– Розалия Ефимовна, не печальтесь, вы и сейчас ого-го, любую красотку за пояс заткнете!

– Правда?! – заблестели ее выцветшие глаза.

– Конечно, ведь красоту и опыт, как талант, не пропить. Любой смазливой пигалице фору дадите. С мужиками, вашими ровесниками все понятно, хлипкое племя, спились и опрокинулись раньше срока, но ведь, кроме Клавдии Рябонь, другие зажиточные подружки остались? Запишите мне их домашние адреса и номера квартирных телефонов, – ве-

лел гость. Следуя поговорке «с паршивой овцы, хоть кллок шерсти», Дубняк решил выудить из нее максимум полезной информации.

– Зачем тебе это надо?– с ревностью спросила женщина.– Или не устраивает мое общество, хочешь подбить клинья к кому-нибудь из моих подружек? Живо признавайся, хитрый искуситель сердец.

– Даже в мыслях такого не было. У меня сугубо профессиональный интерес о состоянии ее кусательно-жевательного аппарата,– возразил стоматолог. – Многие из-за страха обращаются за помощью с большим опозданием, когда невозможно терпеть боль и поэтому утрачивают зубы, которые при своевременном лечении можно было бы сохранить. В итоге довольствуются имплантами, протезами, мостами...

К тому же у меня план, чем больше будет состоятельных клиентов, тем выше прибыль. От нее зависят моя зарплата и премия. Вынужден работать не столько на себя, сколько на хозяина частной поликлиники. А он – кровосос, за копейку готов удавиться. Такие вот гримасы дикого капитализма. Поэтому познакомьте с несколькими подругами, но не с теми, кто сейчас прозябает в нищете, а с которыми вы блистали на банкетах-фуршетах. Они ведь старенькие, зубки выпали или стерлись, нуждаются в срочном ремонте. Им в награду дополнительно несколько лет жизни, а мне за работу – скромный гонорар. Не забывайте, что здоровые зубы – здоровую улыбку!

– Это я знаю еще с детского садика и школьной скамьи,– снисходительно улыбнулась Блинкина.– Подруги мои, дамы привередливые, капризные и осторожные, не любят, когда в их жизнь вторгается кто-то чужой, незнакомый. Лучше будет, если я сама им позвоню, поинтересуюсь здоровьем, зубами. Если у них возникнут проблемы, то в самом лучшем свете порекомендую вас, как талантливого, опытного стоматолога, сообщу ваш служебный телефон.

– Спасибо, отдаю должное вашей мудрости и логике.

– Но и ты, мой дружок, не будь чурбаном, утешь вдову.

– Да, какая грустная жена не мечтает стать веселой вдовой, – вспомнил он цинично-точный афоризм и поинтересовался.– Розалия Ефимовна, если не секрет, сколько официальных мужей вы уже похоронили, не считая любовников?

– От тебя секретов нет, четырех мужей и трех любовников проводила на тот свет, – не без гордости заявила она.

– Так вы, любезная, не просто вдова, а черная вдова. Так назван ядовитый паук,– изрек Дубняк слегка дрогнувшим голосом. – Вы весьма опасная особа. Следует держатся подальше.

– Почему? – удивилась и огорчилась Блинкина.

– Потому что за вами тенью следует смерть. А может и тени, как у привидения нет?

Хотя он и не отличался суеверием, но по рассказам бывалых людей знал, что близкое общение, а тем более, интим с черной вдовой, чреват тяжелыми последствиями. Его не

прельщала перспектива стать восьмым усопшим в коллекции сладострастной фурии.

– Сенечка, это предрассудки, фобии. Я не замечала за собой тени и привидения, – словно птица крыльями, замахала старушка руками. – Какая же я черная, если волосы у меня светлые, кровь горячая и щеки румяные. Разве я похожа на колдунью или ведьму? Я приношу радость, любовь и блага.

– Ваши усопшие мужья и любовники тоже так считали?

– Спросите у них сами, – съязвила вдова.

– Для общения с ними придется дуба дать, – заметил Дубняк. – А я еще и половины жизни не прожил. Планирую, как прадед, дожить до девяносто пяти лет.

– Что же другие родственники?

– Дед Семен на фронте погиб, а отец Роман работал на такси и разбился в ДТП.

– Жаль, но почему вы навесили на меня ярлык черной вдовы?

– Простите, любезная пошутил, вы – волшебница, добрая фея, белая, а не роковая вдова. И по поводу усопших мужей и любовником не слишком печальтесь. Ведь те годы, что они не прожили, прибавятся к вашей жизни. Поэтому будете жить долго и счастливо, – с оптимизмом произнес он.

– Для полного счастья мне не хватает верного мужа.

Чтобы она не обнаружила его внезапной тревоги, Семен Романович признался:

– Я свои дни рождения не отмечаю. Не в нашей власти

остановить или замедлить бег времени. Оно стремительно и необратимо. С каждым днем, часом, минутой и секундой человек становится ближе к своей последней роковой черте. Едва дитя родилось и уже начало путь к могиле. А что же ваши дети, сыновья, дочери? Почему не прибыли на юбилей, не поздравили? Слишком заняты господа или за рубежом? Могли бы прислать внуков, внучек, правнуков...

– Нет у меня детей, дочерей и сыновей, – вздохнула Розалия Ефимовна.

– Почему? Такая породистая, темпераментная, сладострастная женщина и вдруг осталась без детей?

– Рано, в шестнадцать лет, я забеременела от своей первой школьной любви, – призналась она. – По нынешним временам это в порядке вещей, а тогда – скандал, позор. В раннем возрасте сделала аборт и после этого, где только не лечилась. К знахаркам ходила, лечебной грязью мазалась в санаториях Евпатории и Пицунды, на озере Чокрак, что вблизи Керчи, разную минеральную воду пила. Кучу денег потратила и все бесполезно.

Лишь на миг в ее глазах промелькнула грусть. Встрепенулась и потребовала:

– Пей, пей коньяк! Этого и других крепких напитков у меня много. Бывший супруг Яша, царство ему небесное, большую коллекцию вин и коньяков собрал. Давай раскрепостимся, чтобы нас ничего не смущало. Я глубоко убеждена, что естественно, то не безобразно, а прекрасно, достав-

ляет райское наслаждение.

– Душечка, не форсируйте события.

– Ох, Семен, Сенечка, давайте немного отдохнем, переведем дух, – предложила утомленная юбилярша и за руку провела его в спальную с плотно зашторенными окнами. Два бра у изголовья широкое ложа с балдахинном излучали красновато-бордовый цвет, создавая таинственно-интимную обстановку. Она села на край ложа, а он рядом. Положила ладонь на его колено и Дубняк ощутил, как мелко вздрагивают ее тонкие пальцы. Женщина ждала его ответного жеста, нежности, поцелуев, но Семен был пассивен и холоден, словно статуя. Тогда она взяла инициативу в свои руки – властно положила его широкую ладонь на свое худое, острое колено и простонала.

– Что с вами, Розалия Ефимовна?

– Ой, Сеня, мне жарко, изнемогаю от чувств и страсти.

– Опасаюсь, что после пляски вы простудитесь. Не хочу, боюсь брать грех на душу, – заметил гость.

– Нет, нет, не простужусь, я выносливая. Не робей, Сеня. Вы же знаете, что в шоу-бизнесе много супружеских пар, когда поп-звезда в два-три раза старше своего избранника или наоборот, он годится ей в дедушки. Любви все возрасты покорны, – напомнила она, поощряя Дубняка к активным действиям.

– Для шоу-бизнеса это типично, игра на публику ради популярности и многомиллионных гонораров, – прикинулся

он недотепой. – После показательно-помпезных свадеб они устраивают чес по городам и весям России, Украины и дальнего зарубежья. А затем вкладывают капитал в роскошную недвижимость и в прибыльный бизнес.

– Сеня, все у меня есть, и хоромы, и валюта, и драгоценности, лишь не хватает крепкого мужского плеча, надежной опоры, – пожаловалась она и положила голову со сбившимся набок париком на его плечо, обняла шею длинными, как плети, руками. «О, Господи, избавь меня от искушения и соблазна», – мысленно попросил он и, освобождаясь из объятий Блинкиной, сказал. – Не будем торопить события.

– Сеня, Сенечка, у нас и так лимит времени. Сколько той жизни осталось? Разве вы не хотите меня изнасиловать? – неожиданно спросила она. – Это так азартно и приятно, ощутить силу, страсть настоящего мужчины...

– Розалия Ефимовна, душечка, у меня и в мыслях такого не было. Ведь я не маньяк, отдаю отчет своим действиям. Вы меня ошеломили, ценю вашу дружбу и доверие, – ответил он и почувствовал во всем ее облике огорчение и обиду из-за того, что он ею пренебрег. «Черт меня дернул сюда придти, размечтался найти клад с сокровищами. Баба осторожная, предусмотрительная, притащила эту рябую кобылу, чтобы в случае чего был свидетель. И этот план потерпел фиаско. Однако, какие же бабы, хитрые и коварные существа. Старая клизма, еще на что-то надеется».

На личном опыте он убедился, что существуют женщины,

испытывающие особый восторг, когда ими овладевают грубой силой. Кричат, визжат, стонут, дают волю зубам и рукам, кусают и царапают партнера. Похоже, что и Блинкина из категории таких темпераментных с психическими отклонениями особ. Не хватало, чтобы она своими зубами и когтями впилась в мою кожу и покусала уши или шею. Нет, нет, никаких соблазнов и искушений. Если, даже один раз проявлю слабость, уступлю ее домогательствам, то она потом не слезет, станет везде и всюду преследовать.

– Что же ты, Сенечка, молчишь или я не в твоём вкусе? Ты же, как врач, знаешь, что не прихоть, а физиологическая потребность.

– Я смущен и озадачен. Никогда не мог подумать, что вы, Розалия такая страстная, без острых шипов.

– А разве это плохо для тебя?

– Слишком доступны. Обычно приходится покорять.

– Только для тебя, а других не подпускаю к себе на пушечный выстрел. Я – не гордая, но цену себе знаю, – заявила она и в знак готовности прижалась к нему грудью, обдав дорогими французскими духами. – Ты при первой же встречи пронзил мое сердце стрелами Купидона, воспламенил любовь. Поэтому и пригласила в гости. Признайся, Сенечка, в твоём роду были евреи?

– Упаси, Господь, мешать кровь с вашим племенем, – признался Дубняк, вспомнив о хитром и коварном дантисте Штуцере. Увидел, как потускнела черная вдова, собрав мор-

щины на лбу в гармошку.

– Напрасно. Наш народ много страдал, был бит и гоним, а теперь среди евреев много богатых людей, в том числе олигархов.

Из ее признания он решил извлечь пользу.

– Розалия Ефимовна, душечка, вы состоятельная дама. Одолжите мне для реализации бизнес-проекта пятнадцать тысяч евро или двадцать тысяч долларов, за мною не заржавеет, – попросил он.

– В наличии у меня такой суммы нет. В банке на депозите лежат сорок тысяч долларов, – призналась она и призадумалась. – Согласись стать моим мужем и тогда все мои богатства будут в семейном распоряжении. Другого варианта не приемлю. От тебя требуется только одно – любить, ласкать меня, исполнять все пожелания и капризы.

Она снова обвила его шею руками.

– Интересное предложение, – почесал он бычий затылок, осознавая, что опасность такого брачного союза таится в ее желаниях и капризах. – Я подумаю над ним. Это весьма серьезное предложение, хотя, душечка, вам больше подошла бы роль любовницы. Будем встречаться один, два раза в месяц.

Дубняк предложил более-менее терпимый для себя вариант.

– Нет, нет и нет! – возразила она. – Мне нужен официальный брак и постоянный муж для полноценной жизни, а не

«ночной мотылек». Не хочу на старости лет прослыть женщиной легкого поведения. Известно, что по медицинским показаниям занятия любовью продлевают жизнь, предохраняют от неврозов и других болячек, позволяют пребывать в бодром настроении.

– В вашем возрасте сердце может не выдержать больших физических и эмоциональных нагрузок, – предупредил стоматолог.

– Я выносливая, уже семерых мужиков пережила, восьмой тоже не дождется моей кончины. У меня характер нордический, а темперамент – восточный.

Он решительно поднялся и направился в гостиную. Огорченная женщина последовала за ним.

– Сенечка, ты во всех отношениях приятный, душевный человек. Можно сказать, идеальный, если бы ни один недостаток.

– Недостаток?

– Досадный недостаток. Ты совершенно равнодушен к женскому полу. Уж и не знаю, как и чем соблазнить, на какой козе подъехать?

– Розалия Ефимовна, я одержим работой, поэтому не хочу осложнять свои отношения с пациентами. Их ведь у меня много. Если начну кому-нибудь из них оказывать знаки внимания, то другие приревнуют, обидятся и перестанут обращаться за помощью. Хозяин поликлиники меня выставит за порог, оставит без хлеба насущного. Потому и хочу открыть

свою стоматологию, чтобы ни от кого не зависеть. Дайте мне деньги в кредит, желательно без процентов и через год я им верну.

Блинкина задумалась и, что не упустить потенциального супруга, предложила:

– Я готова вам одолжить валюту, но при условии, что эта операция будет оформлена нотариусом.

– Душечка, зачем вам эти формальности, лишние затраты на нотариуса? – с досадой произнес гость, осознавая, что занимаешь деньги чужие, а отдавать придется свои. До слез обидно расставаться с купюрами.

– Я должна быть уверена, что деньги не пропадут.

Заведомо зная, что эти условия для него опасны, ибо на руках у Розалии останется документ, улика, Семен Романович уклончиво ответил:

– Любезная, я подумаю над вашим заманчивым предложением.

– Мы же с тобой здесь одни, одинешеньки, – напомнила она. – Никто не помешает предаться сжигающей страсти.

– Розалия, вы же знаете, что язык без костей. Нет гарантии, что нечаянно не расскажите об интиме подруге Клаве, а та еще кому-то и пошло-поехало. Опозорят и вас, и меня на весь белый свет. Я очень дорожу и вашей, и своей репутацией.

– Сенечка, ты же врач и обязан знать, что в организме все функции, будь то кровообращение, дыхание, пищеварение,

психика, в том числе и сексуальные органы, должны действовать слаженно, гармонично, без сбоев и осложнений. Это является основой крепкого здоровья, отличного настроения, высокого тонуса, гарантией активного долголетия, а не прозябания возле «утки» или «судна».

– Вы попали в «яблочко». С вами при наличии таких фундаментальных энциклопедических познаний в области медицины не поспоришь.

– Не пытайся мне возражать. Женщина всегда права! – властно заявила она и посетовала. – За плечами семьдесят лет радостей, тревог и забот, а такое впечатление, что и не жила. Годы пролетели в один миг, а как хочется еще испытать земных радостей. Запомни: умный мужчина никогда не будет перечить своей возлюбленной, зная, что она щедро его вознаградит любовью и ласками. Недаром говорят, что ласковое, послушное теля двух маток сосет.

«В смысле физиологии, обновления крови и омоложения, она рассуждает вполне разумно, здраво. Но уж слишком до неприличия раскованная, на грани пошлости и вульгарности, без тормозов. – подумал Дубняк. – Наверное, по молодости и зрелости лет привыкла, что ей все позволено и доступно, а может из-за отсутствия постоянного партнера слишком изголодалась, поэтому без стыда предлагает свои услуги. Впрочем, не буду ссориться, сжигать мосты, мало, что старухе в маразматическом возрасте в голову взбредет? Оставлю Розу в качестве «запасного аэродрома» на случай, когда дру-

гие варианты обогащения будут исчерпаны. Тем более что я «засветился» в глазах Рябоконь. Черт принес ее, всю малину испортила, а Блинкина еще пригодится, рано ей на погост».

– Розалия Ефимовна, если мне не изменяет память, а я к счастью не страдаю склерозом, то вы давеча говорили о бескорыстной материнской любви, платонической, бестелесной.

– Одно другому не мешает. Меня хватит и на любовь с мужчиной.

«Действительно, и на старуху бывает проруха. Если она сейчас такая несдержанная, то, что с ней творилось в молодые и зрелые годы?» – посетовал он, освобождаясь из ее объятий, предложил. – Поищите мужа среди своих ровесников, полковников, генералов и адмиралов...

– Пробовала. Они слабы, им нужна сиделка, чтобы выносить горшки. Зачем мне старцы. Хватит, намаялась, настрадалась. Слишком хлипкие мужики, дальше шестидесяти-семидесяти лет не дотягивают

– Вы тоже далеко не юного возраста, – мягко напомнил Дубняк.

– Юный мой друг, вы не правы. Я отношусь к категории женщин, не имеющих возраста. Поэтому в свои семьдесят лет чувствую себя на 35-40 лет. Считаю себя моим ровесником.

«Губа не дура, нашла во мне объект вожделения. Мадам без комплексов и предрассудков. Бесится с жиру, а того не

поймет, что ее увядшие телеса, уже никого не прельщают. Завяла некогда сочная ягодка. Может пойти на эту авантюру, оформить, как она настаивает, брак и дожидаться, когда скочырнется? – размышлял Дубняк. – Весь вопрос в том, когда? Сейчас ей семьдесят. При ее энергетике, оптимизме еще лет двадцать-двадцать пять протянет. Долго придется ждать, того и гляди, сам раньше дуба дашь. Если ускорить ее летальный исход, то непременно заподозрят криминал. Она ведь в городе персоне заметная, с влиятельными связями и доброжелатели, бывшие любовники и воздыхатели, начнут рыться. Упекут меня в кутузку, а квартира и все имущество достанутся чиновникам. Нет, достаточно мне прокола с Лозинкой. В эту петлю я голову не суну, глупо жертвовать свободой».

Вдруг раздался телефонный звонок. Хозяйка подошла к тумбочке с аппаратом. Стоматолог услышал ее голос:

– А-а, это ты, Клавочка. Спасибо за звонок. Мы с ним воркуем, как пара голубков. Какой приятный, общительный кавалер. Уходить не хочет. Советуешь, чтобы он остался. Ты прямо мои мысли читаешь, я тоже такого же мнения. Поздно вечером и ночью опасно по городу ходить. Обязательно наведайся к нему на прием, не пожалеешь. Это тебе не Наум с турецким позолоченным оловом. Сеня к хапугам и халтурщикам беспощаден.

Кокетливо подмигнула Дубняку:

– Сенечка, Клава интересуется твоей мужской дееспособностью, потенцией. Что ей ответить?

– С потенцией у меня все в порядке, корень женьшеня, виагру или импазу употреблять не требуется.

– Клабочка, он очень скупой, сдержанный на ласки, – Розалия с обидой сообщила подруге.

– Налей ему больше коньяка, чтобы глаза на лоб полезли, – посоветовала Рябоконь. – Когда мужик пьян в стельку, то ему и коза дранная кажется красавицей.

– Спасибо за «комплимент», – оскорбилась юбилярша. – Сама ты коза дранная.

Подруга резко оборвала разговор. Розалия положила трубку на рычаг и обернулась к гостю:

– Подруга одобрила мой выбор. Ты на нее произвел приятное впечатление, хотя вначале и встретила настороженно. Я вот о чем подумала, какую нам лучше выбрать фамилию при росписи. Может, двойную Блинкина-Дубняк или Дубняк-Блинкин?

– Эх, любезная, не форсируйте события.

– Нечего откладывать в долгий ящик. Устроим пир на весь мир. Может это моя последняя любовь и свадьба должна стать ярким событием в культурной жизни города.

«Не такая уж она и Розалия с увядшими лепестками и без шипов. Это она сейчас такая добрая и ласковая. А лишь стоит надеть на шею хомут, то вцепиться когтями, маникюром и никакими клещами не оторвешь, станет помыкать. Чего захотела, официальный брак ей подавай. Подстраховалась, заручилась поддержкой Клавы, чтобы та позвонила, вникла в

ситуацию.

До поры до времени припрятала свои острые когти, готовые в любой момент вцепиться в мое брэнное тело. Еще неизвестно, отчего ее семь мужиков отправились к праотцам? Может, заездила стариков, скончались от полового истощения. С этой особой надо ухо держать востро, иначе скандала и больших проблем не избежать».

– Розалия Ефимовна, почему на вас так мало украшений? – решил он проверить арсенал ее драгоценностей.

– Потому, любезный, что основную часть ювелирных изделий из платины, золота и серебра, драгоценные камни-самоцветы я храню в сейфе-ячейке банка, а валюту на депозите, чтобы воры не залезли и не ограбили, – рассудительно произнесла юбилярша и, опередив его следующий вопрос, заявила. – В каком именно банке, не скажу, пока не станешь моим официальным мужем.

– Душечка, вы очень рискуете. Надвигается мировой финансовый кризис. В скором времени банки начнут переводить свои активы в оффшоры Кипра, Панамы и других стран, лопаться, как мыльные пузыри. И тогда ни драгоценностей, ни валюты вам не видать, как собственных ушей. Вспомните, как сильно пострадали вкладчики, а некоторые даже свели счеты с жизнью, когда Россию, Украину накрыла волна дефолта, – предостерег гость.

– Помню, очень хорошо помню. Я тогда потеряла из-за падения курса рубля почти семь тысяч долларов. До сих пор не

могу успокоиться, – призналась Блинкина. – Что же делать?

– Ситуация может повториться с еще худшими последствиями. Вам надо срочно забрать из банка драгметаллы, а с депозита снять валюту.

– Где же я их буду хранить?

– В квартире, как это делают многие граждане, справедливо не доверяющие банкам, где засели аферисты.

– Вдруг в банке произойдет утечка информации о том, что сняла и забрала все сбережения и грабители нагрянут в квартиру?

– Да у вас не квартира, а настоящая крепость со стальной дверью. К тому же на пятом этаже, не то, что на первом, втором или последнем, которые предпочитают домушники.

– Какие домушники?

– Так называют квартирных воров.

– Сделаю, как советуешь.

– Поторопитесь, а то ведь «заморозят» вклады и хранилища драгоценностей. Президент, премьер-министр, депутаты, чиновники все делают во вред простым смертным. Из сложных кризисных ситуаций выезжают на горбу простых смертных.

– Завтра же надеваюсь в банк.

– Правильно. Куйте железо, пока горячо.

Довольный тем, что убедил вдову собрать сокровища в одном месте, Дубняк вышел на лоджию подышать свежим воздухом, а заодно и понаблюдать за внутренним двором. Его

взгляд зацепился за узкий продолговатый ящик, накрытый паласом темно-зеленого цвета. Когда к нему с сигаретой в губах приблизилась Блинкина, поинтересовался:

– Что это за штукавина?

– Не штукавина, а гроб из красного дерева, – спокойно сообщила она и откинула край паласа. – Дорогой и добротный с бархатом, замками и ручками. Меня ужас охватывает, когда крышку забивают гвоздями, стучат молотками, словно по черепу. А так тихо, спокойны, замки закрыли, гроб в могилу опустили. Но такие гробы из-за высокой цены неохотно покупают, простые смертные предпочитают обычные, деревянные. А вот трупы депутатов, чиновников и других персон за казенный счет хоронят в гробах из красного дерева. Мы с Рябоконь, хотя не из бедных, как актрисы в театре сыграли роль, расплакались, пожаловались на жестокую судьбу, нам в агентстве сделали солидную скидку. Хорошо,

– Гроб? Зачем он вам, раньше срока?

– Эх, Сенечка, я ведь не вечная, – горестно вздохнула Розалия Ефимовна. – Та же моя любимая актриса и певица Людмила Гурченко, что блистала в «Карнавальной ночи», Нона Мордюкова, Людмила Зыкина и другие знаменитости, Богу душу отдали, отошли сердешные в иной мир. Сколько уже их, как поет Алла Пугачева, провалилось в бездну? Меня ужас охватывает от мысли, что последую за ними. Охота пожить еще в свое удовольствие. Никому ведь неизвестно, что там, рай, ад или черная дыра?

– Вы абсолютно правы.. С того света еще никто не возвратился, и вряд ли когда-нибудь возвратится, – с печалью подтвердил Дубняк.

– А уж мужики-пессимисты, мрут, как мухи, а женщины – оптимистки, поэтому живучи. Не хочу никому доставлять хлопоты, лишние проблемы. Поэтому вместе с Рябоконец купили в похоронном агентстве гробы, кресты и разные принадлежности для погребения, кроме венков и цветов. Расписали весь ритуал, последние пожелания. Клавдия в свою очередь оставила мне свое завещание и распоряжение, я ей тоже, если не выйду замуж, то на всякий случай завещала квартиру и богатства. Теперь все будет зависеть от того, кто из нас раньше преставится.

– Наличие гроба, креста, венков в квартире или в доме – зловещая примета, к покойнику, – заметил Дубняк.

– Я слышала, что наоборот. Гроб отпугивает смерть, потому, что она боится сама в нем оказаться, – возразила вдова.– Посчитала, что цены, в том числе на гроб и другие товары, постоянно растут. Вот и решили с подружкой сэкономить. Он уже два года здесь стоит и никому не мешает. А паласом, что сверху, потом накроют место в катафалке под гробом ... Все мелочи, все детали ритуала учла, расписала и отдала Клавдии...

– Розалия Ефимовна, не накликайте беду своими приготовлениями, – предупредил стоматолог. – Так жизнь устроена: человек предполагает, а Господь решает, – напомнила Блин-

кина. – Тебе тоже советую заранее позаботиться. Столько опасностей подстерегает.

– Премного благодарен. Я еще в своем уме, – ответил Дубняк и посоветовал. – Розалия Ефимовна, вам следует избавиться от курения. Никотин вреден для зубов, цвета коржи лица и организма в целом.

– Красоту ничем не испортишь, – усмехнулась она, пустив сизое кольцо дыма, а стоматолог подумал:

«Странная все-таки старушка, слишком сексуальная. В зрелом возрасте и в старости на гормональном уровне проявляются такие биопсихические расстройства. Похоже, что у Розы та же проблема, мадам с большим «приветом», чокнутая».

– Обязательно приди проводить меня в последний путь, – велела она. – Бросишь горсть земли на крышку гроба, помянешь, в синагоге поставишь свечку за упокой рабы божьей Розалии.

– Выкиньте из прелестной головы опасные, навязчивые и мрачные мысли и страхи. Не годится себя раньше срока хоронить. Вы бодрая, веселая оптимистка, еще меня переживете, – произнес он и подумал; «А ведь предчувствует свою гибель. На сей раз, тебя спасло то, что я «засветился» перед Рябоконь. И самое главное, что твои основные сбережения хранятся в банке. Довольствоваться малой добычей неразумно. Подожду, когда сама принесешь драгоценности, валюту в одну кучу. Вот тогда, старая курица, твои часы будут сочте-

ны. Надо подумать, как лучше отправить к праотцам? Горький опыт с Лозинкой не удался. Очень необходим напарник, самому не управиться. Где же найти надежного помощника?»

– Сенечка, о чем задумался? – нарушила она его размышления.

– О бренности, скоротечности нашей земной жизни, – нашелся он с ответом и посетовал. – Мне скоро стукнет тридцать восемь, а почти не жил, а пахал, как вол. Кроме зубов, ничего не видел.

– Не грусти, будет праздник и на твоей улице. Надо жить ярко, весело, не отказывая себе в удовольствиях, – призвала она с блеском в охмелевших от вина и желания глазах.

Они возвратились в гостиную. Дубняк наполнил ее фужер шампанским, а свой – коньяком и с оптимизмом произнес.

– На посошок. Пора и честь знать.

– На брудершафт, – предложила она. Переплели руки, выпили. Юбилярша сложила трубочкой губы в ожидании его пылко поцелуя, но он увернулся, уткнувшись губами в ее щеку.

– Эх, Сенечка, какой ты упрямый, – упрекнула она и своим тщедушным телом преградила путь к двери. – Не пушу, уже поздно. Предлагаю брейк-кофе с тортом «Черный принц».

– Обойдусь без брейка и кофе.

– Куда же ты, я так надеялась?!

– Надеемся и ждите. Ваш рыцарь на белом коне или «Мерседесе» задержался в дороге. Кто терпеливо ждет, тому воздастся и на земле, и на небесах, – обнадежил он, сожалея, что вечер в обществе старой куртизанки прошел впустую и роль свадебного генерала ему претит.

– Ты такой аппетитный, обаятельный мужчина, что я готова взять грех на душу, – не унималась она.

– Розалия Ефимовна, вы же говорили о материнской любви?

– Это и есть материнская любовь, чистая и целомудренная, – возразила Блинкина. – Когда женщина искренне любит не только душой, но и телом, то это нельзя считать грехом.

«Вот, до чего договорилась. Надо подальше держаться от этого любвеобильного сокровища, – подумал Дубняк. – На ладан дышит, а жаждет наслаждений. А того, не поймет, что от нагрузки и бурных эмоций может скончаться. Присосалась, как пиявка, хочет взять меня жалостью, измором. Коль сорвался и этот план, то надо быстрее уносить отсюда ноги».

Ощутил духоту, на лбу выступила испарина. Поспешно сунул руку в карман брюк за носовым платком и резко извлек его. Краем глаза увидел, как следом выпала капсула с ядом и скатилась на палас.

– Сеня, что это? Вы больны, принимаете лекарства? – обеспокоилась она.

– Капсула с микродобавками, – нашелся он с ответом. –

Никакой химии, лечебные фитопрепараты, биодобавки на основе полезных трав и сборов, морских микроорганизмов, рыбьего жира, мумие и прополиса. Они благотворно влияют на обмен веществ, укрепляют иммунную систему, очищают кровь и клетки от токсинов и шлаков. Универсальное средство и армия потребителей постоянно растет.

– Оставьте мне эту капсулу. От какой она болячки? Может это настоящий бальзам, эликсир молодости?

– Нормализует работу желудочно-кишечного тракта. Я бы с большим удовольствием отдал вам капсулу, но от одной никакого эффекта. Необходимо пройти полный курс – не меньше 15-20 капсул, – сообщил он и, спрятав яд в карман, направился к двери. Раскланялся.

– Спасибо вам, душечка, за теплый прием и приятный вечер. Спокойной ночи и будьте счастливы!

– Куда же ты, Семен Романович, на ночь глядя?! Мне так грустно и одиноко, – попыталась она преградить дорогу к отступлению.

– Извините, любезная Розалия, завтра работы много. Люди прожорливы, как саранча, каждый желает иметь крепкие зубы, – сказал он и для приличия поцеловал ее в щеку, густо сдобренную румянами.

Между тем размышлял: «Пожалуй, заключив со старухой брак, для конспирации поживу с ней месяц-другой и придушу подушкой. Хотя есть и более гуманный вариант отказаться от исполнения своих супружеских обязанностей. На

этой почве Роза обязательно свихнется, отправлю ее в дурдом. Пусть там доживает свои последние дни, а сам на правах законного супруга стану владельцем и квартиры, и всего имущества. Но она же, судя по темпераменту, очень живуча и непредсказуема. Того и гляди, самого устроит, если не в тюрьму, то в дурку. Найдут помощники, та же бабища Рябонь. Слишком матерая невеста, прошла, как говорится, и Рим, и Крым, огонь, воду и медные трубы. Пока, что разумнее держаться от греха подальше, оставить ее в покое».

– Сенечка, не будь бякой, если женщина просит. Расслабься, курни, Блинкина подала ему пачку сигарет «Пьер Карден» с ментолом и призналась. – По молодости лет я курила «Ватру», махорку и всякую гадость, а теперь перешла на благородные сигареты. Попробуй, это такой ароматный вкус,

– Спасибо, я не дымлю, – отвел стоматолог в сторону ее руку с пачкой. – И вам не рекомендую, табак портит цвет лица, эмаль зубов, делает кожу серой, дряблой, землистого цвета...

– А-а, не напрягай, не расстраивай, для этого существует косметика, кремы, бальзамы, румяны. Из женщины любого возраста можно сделать конфетку, звезду эстрады, балета и кино. Они по возрасту старше меня. Делают пластические операции, подтяжки кожи лица. Я тоже лет через пять обращусь к пластическим хирургам, а пока терпимо. Правда, я очень привлекательна и сексуальна?!

– Да, есть шарм, изюминка, на которые западают сексу-

ально озабоченные альфонсы, – солгал Дубняк. – Так вы, наверное, для того, чтобы забеременеть, ходили и налево, и направо, каждому поставлялись, не предохранялись?

Она промолчала, потом призналась:

– Сенечка, если я не в твоём вкусе, то найди мне постоянного бой-френда в возрасте не старше сорока пяти лет, чтобы был темпераментным и пил в меру. Только не наркомана. Эта публика агрессивна и непредсказуема, а я хочу еще пожить в свое удовольствие.

– Среди моих знакомых люди порядочные, муху не обидят. Наркоманов на пушечный выстрел

Это не прихоть, не блуд, а физиологическая потребность организма для омоложения. Надоело оплакивать и отпевать мужей. Они меня на руках носили, цветами и подарками осыпали и пушинки сдували...

– Поэтому раньше времени надорвались.

– Что ты, я же легкая, словно пушинка, – возразила она и тут же посетовала. – Почему я такая невезучая? С другой стороны столько мужчин одарила своей любовью, согрела нежностью, и они отвечали нежностью и щедростью. Среди них мог оказаться и ты...

– Избави Бог, я в зените жизни, мне, душечка, еще рано отправляться на тот свет, в «долину вечности», – возмутился Дубняк.

– Прости, Сенечка, живи долго и счастливо. А мне подбери достойного партнера.

– Я понял и не осуждаю за естественные желания. Подумаю, как вам помочь, – пообещал стоматолог. – Позвоню, когда найду надежного претендента на вашу руку и сердце. Сейчас очень много брачных шулеров. Среди них немало разных «липовых» депутатов, министров, полковников, генералов, дипломатов, профессоров, которые охотятся за богатыми вдовами.

Конечно, не ради любви, а корысти, завладения их недвижимостью и имуществом. Ухо надо держать остро. Обещаю, не подведу, тщательно проверю родословную, состоятельность, интеллект, эрудицию, а также физическое и психическое здоровье потенциального жениха. И только после этого рискну устроить для вас смотрины. Никогда не приходилось играть роль свахи, авось справлюсь.

– Не сомневаюсь, вы человек умный, обаятельный. Только не говори ему, что я состоятельная дама, чтобы мы сошлись по любви, а не по расчету, – велела она.

– Розалия, у вас фамилия последнего мужа?

– Нет, возвратила свою девичью. Специально, как мне посоветовала Клавка, я потеряла, а точнее, сожгла свой паспорт, заплатила штраф и теперь новый документ без штампов о браках. Уже почти два года, как мое сердце свободно. Чувствую себя, словно птица в полете. Хлипкие мне попадались мужики, поэтому решила, что следующий избранник должен быть лет на тридцать-сорок моложе, чтобы не довелось страдать и оплакивать.

– У вас запросы, как у балерины Матильды Кшесинской. Постараюсь вам помочь в поиске спутника жизни.

– Сенечка, только не откладывай в долгий ящик. Для меня каждый день на вес золота, – попросила Блинкина. Дубняк понял, что не ошибся в своем предположении. Поспешно расстался с сексуально озабоченной юбиляршей, дабы избежать домогательств.

6. Очередная мадам

Все вышло почти так, как и предполагал Дубняк. На третьи сутки, обеспокоенная тем, что Лозинка не отвечает на ее звонки, может быть, не желая примирения после ссоры, Инесса Арнольдовна Оселедец приехала к ней на квартиру. Но на настойчивые звонки тоже никто не ответил и не вышел. Тогда она побеспокоила молодых соседей по лестничной площадке. Те сообщили, что рано утром уходят работать на рынок и возвращаются очень поздно, поэтому с соседкой сталкиваются очень редко, не общаются. У старухи свои интересы и заботы, а у них свои и, главная, как выжить, заработать на пропитание, одежду, обувь и коммунальные услуги.

Оселедец поняла, что с Элеонорой Борисовной случилась беда. Наведалась в ЖЭК и поделилась своими подозрениями. Ей дали слесаря и сварщика с автогеном. Пригласили участкового инспектора лейтенанта Василия Бердина, недавнего выпускника средней специальной школы милиции. Попытки открыть стальную дверь с помощью домкрата успехом не увенчались. Пришлось сварщику автогеном вырезать скрытые в чреве металла хитроумные замки с кодом.

Открыли тяжелую дверь, в лица ударил спертый приторно-сладкий тошнотворный воздух. Невольно отпрянули в сторону. Труп Лозинки лежал в прихожей на ковровой до-

рожке возле тумбочки. Телефонная трубка на черном шнуре свисала вниз, аппарат, по-видимому, на АТС был отключен.

– Ой, Господи, какая беда, подружка моя сердешная... прости, не уберегла я тебя. За что тебя творец покарал? – запричитала Оселедец и склонилась над неподвижным телом.

– Не прикасайтесь, – велел ей лейтенант. – Здесь могут быть следы, представляющие интерес. И ответьте, пожалуйста, насколько часто вы бывали в этой квартире?

– Да, приходилось, – вытирая слезы, промолвила Инесса Арнольдовна. – Мы с нею давно дружили, хотя я моложе Элеоноры на четыре года, но это не мешало находить общий язык и интересы. Вместе посещали музеи и театры, концерты, а теперь вот осиротела. Придется заводить новых подруг. Но как говорят, старый друг лучше новых двух. Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей.

– У алкашей в ходу другая поговорка: имей 100 рублей и появится куча друзей-собутыльников, – иронически заметил офицер и тут же напустил на себя суровый вид. – Инесса Арнольдовна, когда вы в последний раз виделись или разговаривали с усопшей?

– Три недели назад.

– Почему так долго не общались?

– Потому, молодой человек, то мы с ней поссорились.

– Что за причина?

– Элеонора не захотела первой оформить на меня завещание у нотариуса о том, что в случае ее смерти квартира и все

имущество станет моим, – пояснила Оселедец. – Посчитала, что она здоровая, крепкая и еще меня лет на десять переживет. Вышло наоборот, жестоко просчиталась, подкосила ее лихоманка, раньше меня Богу душу отдала. Кому теперь все это добро перейдет, она ведь, как перс была одинока?

– Если нет наследников из близких или дальних родственников, то государству, – ответил офицер.

– Нет, у нее родни, кроме меня, близкой, душевной подруги.

– Подруги, друзья без завещания или дарственной лишены права на квартиру и имущество Лозинки.

– Значит, все пойдет прахом?!

– Я же сказал, что государству.

– Жаль. Бюрократы, чиновники все растащат по своим квартирам. И драгоценности, и мебель, и другие вещи. Эх, судьба-злодейка, для одних – горе, для других – манна небесная, – посетовала женщина, окинув богато обставленный интерьер комнаты. – Чтобы мне взять на память о дорогой подруге?

– Ничего не трогать, иначе подведу вас под статью УК о мародерстве или краже, – предупредил участковый.

– Неужели, старуху в тюрьму посадишь? – округлила она выцветшие бледно-голубые глаза.

– Перед законом все равны, и президент и холоп, – сухо ответил Бердин, и пристально поглядел на собеседницу. – У Лозинки были враги или может завистники?

– Она не жаловалась. Между нами иногда возникали разногласия, но они быстро проходили, – призналась Оселедец. – Жаль, что Элеонора не успела переоформить на меня эту квартиру и все свои сбережения и имущество. Не предполагала так неожиданно помереть.

– Очень интересно насчет недвижимости и имущества, – оживился участковый и с подозрением взглянул на женщину. – Так все-таки успела она оформить документы или нет?

– Нет, – ответила женщина. – Я ведь в таком случае обязана была бы по условиям договора на ее имя переоформить свое жилье и богатства на тот случай, если умру раньше. Никому ведь неизвестно, когда придет твой смертный час.

– Верно, – с некоторым разочарованием вздохнул участковый и попросил. – Внимательно осмотрите квартиру. Если обнаружите отсутствие каких-нибудь вещей и предметов, то дайте знать. Мне важно знать, не побывал ли в квартире похититель или даже несколько. Вместе с Оселедец он тщательно осмотрел место возле трупа. Шкаф, трельяж, вешалку в прихожей, но ничего подозрительного не обнаружил. Пройшли в гостиную, богато обставленную мебелью с хрустальными и фарфоровыми сервизами, серебряной посудой и антикварными и художественными изделиями. Дубовый паркет был застелен роскошными персидскими и туркменскими коврами.

– Ой, ой, Кеша, мой родной! – неожиданно вскрикнула, заставив офицера вздрогнуть, женщина, увидев в клет-

ке дрожащего в судорогах волнистого попугайчика. Он, несколько раз зевнув, взглянув на бывшую свою хозяйку, закрыл бусинки глаз и умер.

– Инесса Арнольдовна, это же птица, не печальтесь, не рвите сердце, – тронул ее за плечо Василий.

– Божья птичка, он лучше человека все понимал. Элеонора свое пожила, в роскоши покупалась. Кешечке жить бы еще и жить. Он много добрых слов знал. Умел по моему сигналу крылышками махать. Если бы я с ним и дальше занималась, то запел бы, словно кенар.

Она, как малое дитя, улыбнулась этим воспоминаниям. Затем нашла на привычном месте, раньше указанном ей представившейся подругой, красиво инкрустированную серебром шкатулку. Бережно поставила ее на журнальный столик. Бердин внимательно смотрел и, не обнаружив, каких-либо повреждений, открыл крышку.

Взорам предстали сверкающие драгоценности: кольца, перстни, кулоны, монеты, браслеты, цепочки, диадема. Блеском завораживали самоцветы: бриллианты, рубины, алмазы, сапфиры, аметисты, топазы, Сияли нити жемчужных, коралловых и янтарных бус...

– О, какое богатство, какая красота! – с восторгом воскликнул Василий и уверенно заявил. – Если эти драгоценности остались нетронуты, то никого здесь не было. Старушка скончалась от старости, как скупой рыцарь на сундуках с золотом. Кому теперь это богатство достанется? Вот в чем

вопрос.

– Государству, державе, а значит чиновникам, не успели мы с ней оформить взаимное завещание с условием, кто раньше помрет, тому квартира и все имущество достанется. Элеонора считала, что меня Бог раньше приберет, а оказалось наоборот, – вздохнула Оселедец. – Нет у нее родни. Некому будет и всплакнуть на могилке. Придется мне и слезы лить, и свечи в церкви поставить за упокой души рабы божьей Элеоноры и поминки за свой счет проводить. Царство ей теперь небесное. Отмучилась, отстрадала

Старушка всхлипнула, утерев платочком влажные глаза. – Не похоже, чтобы она мучилась и страдала, живя в достатке и роскоши. Мне бы такую богатую бабушку, я бы ей мраморный памятник поставил, каждое утро на могилу свежие цветы носил, – признался Бердин, несколько утративший интерес к тщательному осмотру гостиной и спальни на предмет поиска злоумышленников.

«На лице и одежде умершей следов насилия нет, дверь поврежденной не была, квартира на пятом этаже, балкон остеклен и стекла в окнах целы, поэтому проникновения в квартиру извне исключено, – размышлял он. – Вывод может быть один: признаки и состав преступления отсутствуют. Обычный летальный исход. Теперь дело за бюро ритуальных услуг, духовым оркестром, батюшкой и похоронами, царство небесное и аминь. Так и доложу начальству».

– Умерла от старости и одиночества, всех ждет такой фи-

нал, – вынес офицер свой окончательный вердикт.

– Слишком быстро и неожиданно она преставилась, хотя редко болела, вела активный здоровый образ жизни. Три года назад мы с нею в группе «Здоровье», даже моржевали, в начале марта, в самый женский день на водной станции открывали плавательный сезон, – заметила Инесса Арнольдона, но участковый пропустил мимо ушей ее замечание. Он, прикрывая рот и нос ладонью, вышел на лестничную площадку, где толпилась группа любопытных жильцов дома.

Вскоре черный катафалк доставил труп Лозинки в морг и при остром дефиците свободных мест в холодильных камерах и медицинских препаратов вскрытие не производили. На этом никто не настаивал.

7. На ловца и зверь

Целую неделю Дубняк внимательно следил за выпусками новостей городского телевидения, читал в газетах колонки информации уголовной хроники, еженедельники «С места происшествия», «Криминал-досье». Все обошлось, Лозинку похоронили тихо и скромно. Он вздохнул с облегчением – пронесло, овеяв холодком риска. Жизнь, будни пошли своим чередом, но мысли о быстром обогащении, покупке помещения и оборудования для частной поликлиники, ни на минуту не оставляли его.

«Очень рискованно и опасно ходить по лезвию ножа. Без надежного помощника не обойтись, но тогда придется делиться, – рассуждал Семен Романович. – Глупо отказываться от оригинального плана. Но где отыскать помощника, смелого, осторожного и решительного, умеющего держать язык за зубами и не слишком алчного? Не предложишь же дело первому встречному, заложит милиции или прокуратуре, а те возьмут в крутой оборот, проведут эксгумацию и дознаются о причине смерти гражданки Лозинки».

Эти мысли и сверкающие во сне груды золота, платины, серебра и драгоценных камней, белое, словно паруса яхты, здание поликлиники, занимали его сознание, будоражили воображение.

«Не ровен час, на этой почве можно и свихнуться», – иной раз с опаской думал он. Проблема разрешилась неожиданным образом, как говорится, на ловца и зверь.

Однажды утром, не взирая, на протесты ожидавших в коридоре пациентов, в зубопротезный кабинет, не вошел, а вихрем ворвался парень лет двадцати пяти-тридцати от роду, в джинсовой куртке и брюках. Круглое лицо, короткая ежиком прическа. Он был взволнован, правая ладонь прижата к пухлой щеке, серые глаза метали гром и молнии.

– Вот, бляха, муха-цокотуха! Коновал, костолом, гвоздодер! Ему на ферме быков или хряков кастрировать, а не людей лечить. Чуть челюсть не вывернул, – выругался незнакомец в адрес какого-то обидчика.

– Успокойтесь, молодой человек, уважаемый господин, – дружелюбно попросил Дубняк. – Расскажите, что случилось? Кто вас так огорчил, обидел?

– Господин? Мг, это мне нравится, такое погоняло еще не было, – превозмогая боль, улыбнулся парень. – Все больше обращались «граждан» или «зэк».

– Что, в местах не столь отдаленных пришлось попариться? – посочувствовал стоматолог, внимательно изучая пришельца.

– Да, было дело. Четыре года на нарах провалился по статье за грабеж, – признался он. – Год, как освободился, и вот чуть было не сдержался. Загремел бы за хулиганство опять за «колючку».

– Что случилось?

– Вчера, когда разболелся зуб, черт дернул пойти в обычную стоматологию, а там меня подсунули к какому-то полупьяному дантисту. Вот он и полечил, все дупло, как дятел расковырял. Какую-то дешевую пломбу поставил, наверное, бывшую в употреблении, чтобы в урну не выбрасывать. Поначалу ничего терпимо было, я думал, что полный ажур. Зато потом всю ночь промучился. Спиртом и анальгином лечился, чтобы унять боль. Утром ни свет, ни заря нагрянул в стоматологию.

– Они что же, отказались помочь, исправить свой брак?

– Может быть, исправили бы, но я им закатил скандал, – признался он. – Пообещал гниде в темном углу морду набить, в кабинете разнести все их допотопное оборудование.

– Тогда он уперся рогом в землю и отказался меня обслужить, другие тоже решили со мной не связываться, посчитав буйным. Еще пригрозили вызвать наряд милиции и санитаров из психдиспансера. Я этих костоломов хорошо знаю.

Долго разбираться не станут, «браслеты» на руки и в изолятор. Потом выяснят, что ранее судимый и тогда, как минимум за мелкое хулиганство в общественном месте схлопочу пятнадцать суток ареста. Заставят чистить туалеты и другие мерзопакостные места. У них по этой части свой план, который начальство требует выполнять, иначе ни званий, ни наград. Поэтому я спасся бегством. Решил, что лучше заплачу в частной поликлинике, но зато зуб запломбируют надежно,

на совесть.

– Правильно решили, – похвалил Дубняк и мягко поинтересовался. – Как вас величают?

– Мен-я-я? Генкой, Геннадием Егорычем Сивухой.

– Сивухой? – усмехнулся стоматолог. – В переводе с украинского языка означает самогон.

– В роддоме так записали, а в детдоме менять не стали, так и зацепилась, словно репейник, к хвосту или курдюку овцы.

– Вот изверг-юморист, – посочувствовал Семен Романович. – И как только у того писаря, рука не отсохла, когда документ оформлял.

– Есть фамилии еще паршивее, а к этой я привык, – улыбнулся Геннадий. – Дело не в фамилии или имени, в сути человека, можно ли ему доверять. В колонии видно нутро каждого.

– Вот именно, – поддержал его стоматолог. – На вас карточку заводить не стану, потому что вы не собираетесь стать постоянным пациентом. Ситуация заставила обратиться, так ведь?

– Все равно запишите, на всякий случай, – упрямо заявил Сивуха. – Я нутром чувствую, что деньги должны подвалить.

– Если так, то заведу карточку, – усмехнулся врач и аккуратно заполнил титульный лист. – Будете моим постоянным клиентом. Устраивает?

– Вполне, я – не гордый.

– Для этого надо быть состоятельным человеком, иметь

счет в банке, – пояснил Дубняк. – Наши услуги не дешевы, я бы даже сказал дорогие, и желательно в иностранной валюте, в американских долларах, евро, на худой конец, в рублях. Но на сей раз, учитывая ситуацию, я вам готов помочь и за рубли. Долг врача, клятва Гиппократа обязывают. Садитесь в кресло.

Геннадий с обезьяньей ловкостью устроился в кресле. Стоматолог велел раскрыть рот шире, включил и направил луч осветительного прибора. Внимательно осмотрел полость рта, постучал инструментом по поверхности зубов. Несколько зубов, словно вынутые из обоймы патроны, отсутствовали, другие почерневшие с флюсом и желтым налетом камней у бледно-лиловых десен подлежали срочному лечению.

– О-о, молодой человек, запустили вы свои зубы. Обросли они камнями, как ракушки. Здесь одним визитом не обойдется, придется чистить от налета. Через неделю и другие зубы напомнят о себе мучительной болью. Их придется или пломбировать или удалять, а лучше после лечения надеть коронки. Тогда впору будет крикнуть, подобно Паниковскому из «Золотого тельца»: «Вставляю зубы и женюсь!»

– Что же мне делать, Семен Романыч?

– Выход один, лечение и протезирование. Иначе девушки и женщины потеряют к вам интерес, – предупредил стоматолог. – Но для капитального ремонта потребуются приличная сумма. Запомни, Сивуха, что крепкие и красивые зубы – здоровью любви.

– Знаю, что лошадей и рабов на рынке всегда по зубам выбирали, – проявил осведомленность Геннадий. – Если зубы в порядке, значит и здоровые, сила есть, а если гнилые, то и человек, и кобыла квелые и хилые, какая с них работа, одни убытки, корма на ветер. Такого работника-доходягу и тощую, хромую кобылу никто держать не станет. Выход один, мужика взашей за ворота, а кобылу на мясокомбинат – на колбасу.

– Соображаешь, – похвалил Дубняк. – Что же это тюремная братва не позаботилась о твоих зубах? На первый случай, могли бы что-то дать из «общака» при выходе на свободу?»

– Я с прошлым завязал и криминальных связей не поддерживаю, как говорят одинокий тамбовский волк.

– Но волк тоже себе не уме, очень коварный хищник. Сколько его не корми, а в лес смотрит, – напомнил пословицу Семен Романович. – Без денег, без зеленой валюты сейчас не подняться, ни одно дело не решить. Чиновники всех рангов привыкли к взяткам и подаркам. Раньше была такая присказка, что без бумажки ты букашка. А сейчас если есть вдоволь валюты, то будет и бумажка, и коньяка фляжка.

– В колонии сами понимаете, какое лечение и забота о зеках, – вздохнул Сивуха. – Постоянный дефицит лекарств, пломбирочного материала и коронок. Если даже что-то и появлялось, то стоматолог Зденек Пухецкий, часть налево сплавлял в свою коммерческую аптеку. Ставил пломбы из обычного цемента или гипс. Мы этому Бзденеку кличку да-

ли Бетонщик. Старый еврей не обижался, со всеми вежливый и ласковый. Постоянно скалил свои золотые зубы в два ряда, словно с такой ехидной улыбочкой и родился. А свое личное дело туго знает и при каждом удобном случае деньгу зашибает.

– Почему терпели гниду, не задавили, удивляюсь, ведь в зоне это часто практикуется? – возмутился стоматолог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.